

Глава I. Решенные и нерешенные проблемы английского манора раннего Нового времени.

Часть 1. Что такое манор?

Что такое манор? Известно, что это специальный термин для обозначения феодального поместья средневековой Англии, ведущий свое происхождение от латинского “manere” (пребывать, продолжать быть, находиться). Однако сущность этого термина не вполне ясна вплоть до настоящего времени. Средневековые источники не дают четкого определения манора. Даже такой знаток и толкователь английского права второй половины XVI – начала XVII вв. как Д. Норден предлагает достаточно туманное толкование этого феномена. Вот что он пишет: «...Манор это то, к чему принадлежат месуагии, земли, держания, ренты, службы и права наследования; частью чего с незапамятных времен являются домены, сам лорд... со своей резиденцией; свободные держания, фермы и обычные или копигольдерские держания... Кроме того, к манору относится баронский суд... Но все это само по себе не составляет манора; поскольку землю следует разделить на домены и держательские земли, испомещая на части из них свободных держателей, на другой – держателей по копии манориального суда..., но и это все еще не создаст манора, поскольку создать его – дело длительного времени».¹

---

¹ Сравните: “...Mannor is that which hath therunto belonging messuages, lands, tenements, services and heriditaments; whereof parts are demeasnes, being those which anciently and time out of mind, the lorde himself with the mannor house; freeholds, farmes and customarie or coppihold tenements... There is, moreover, belonging to a mannor a court baron... Neither do those parts properly of themselves make a mannor; for should any man divide the land into demeasnes and tenement lands, infeoffing tenants in fee of some parts and granting others by copie of court

П.Г. Виноградов в своей известной монографии «Вилланство в Англии» писал о том, что так называемая манориальная система заключается в своеобразной связи между двумя аграрными организациями: поселением крестьян, обрабатывающих свои поля, и господской экономией, связанной с этими поселениями и зависящей от доставляемого ими труда. Он полагал, что для создания манориальной организации необходимы два основных элемента: крестьянская деревня и обрабатываемая при ее помощи господская экономия (домен). В обработке домена трудом зависимого крестьянства П.Г. Виноградов видел сущность манора. Другой характерной чертой манора, по мнению историка, являлось господство в нем крестьянской несвободы, крепостного права, вилланства. Такая организация манора, как было принято считать в историографии, являлась характерной для периода господства отработочной формы феодальной ренты; рост денежной ренты знаменует начавшееся разложение манориальной системы.²

Едва теория манора получила свое, казалось бы, окончательное оформление в трудах Виноградова, как она подверглась критике со стороны скептического Ф. Мэтланда.³ Анализируя термин «манор», Ф. Мэтланд показал, что он не имел в XIII в. того определенного экономического и юридического содержания, которое вкладывала в него историография XIX века. Оказалось, что с изменениями в социальной жизни, которые выражались в том числе и в переходе к денежной форме ренты, изменялась и структура манора, этой «образующей клеточки» английского общества. Строгие формы феодальной вотчины уступали место более многоликому и подвижному миру. Ведь манор мог являться

---

roll..., yet all this will not make a manor, for it is an office of time by long continuance to make and create the same." // J. Norden. The Surveyor's Dialogue. London, 1618. P.42.

² Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1891. P. 405.

³ См. об этом подробно: Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947. С. 21.

единицей политической, полицейской и фискальной лишь постольку, поскольку он совпадал с деревней, а такое совпадение, как впервые показал Ф. Мэтланд, а вслед за ним продолжают подчеркивать некоторые другие исследователи вплоть до настоящего времени,⁴ имело место далеко не всегда.

Как единица социально-экономическая манор не имеет твердых признаков, он многолик и «неуловим»; в нем может не быть господского двора, может не быть домена, общинных земель, даже вилланов или копигольдеров. Источники показывают, что манор может состоять лишь из держаний на общем праве, или, напротив, быть полностью сданным в аренду... Он может быть или огромен (заключать в себе десятки и даже сотни деревень), или являть собой небольшой клочок земли и быть раздробленным. Одна деревня может включать части различных маноров, иллюстрируя такой структурой пестроту вотчинных форм...

Отечественная наука и по сей день бьется над сущностной интерпретацией манора. Отчего он так многолик?

Определенный вклад в решение этого непростого вопроса вносит интерпретация манора, введенная в отечественную историографию трудами Е.А. Косминского и М.А. Барга по истории английского феодализма XI-XIII вв.⁵ И в настоящее время вполне приемлемой представляется зависимость «многоликости» манориальной структуры от эволюции форм ренты: с переходом от отработочной к денежной

---

⁴ Maitland F. The History of Cambridgeshire Manor. EHR, 1894; Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI century and after. London-New York, 1969; Hone N.J. The Manor and Manorial records. Washington, 1971; Watson I.K. Manor. Woodstock, 1996.

⁵ Косминский Е.А. Указ соч.; Бург М.А. Исследования по истории английского феодализма XI-XIII вв. М., 1962. См. также: Ульянов Ю.Р. Оксфордширский манор Уотлингтон в 1086-1300 гг. (К вопросу об эволюции структуры и хозяйственной организации крупной светской вотчины в средневековой Англии) // Средние века. М., 1966. вып.29; Он же. Образование и эволюция структуры манора Стонор в XIV-XV вв. // Средние века. М., 1971-1972. вып. 34, 35.

ренте, то есть с переносом «производственного акцента» с домениального на крестьянско-парцеллярное хозяйство манор действительно менял конфигурацию; например, уменьшая площадь своего домена за счет увеличения площади держаний или сдачи домена в аренду. Это еще более справедливо для эпохи аграрной революции XVI-XVII вв. Словом, и по сей день есть смысл рассматривать манор как организационную форму для присвоения феодальной ренты.

В то же время вспоминается определение манора, данное в начале XVII в. Д. Норденом, знаменитым английским юристом и землемером-практиком, о котором мы упоминали выше: «... разве не есть каждый манор маленькое государство, в котором держатели являются членами, земля – телом, а лорд – головой?».⁶ Таким образом, будем помнить, что люди, жившие в то далекое время и чуть ли не ежедневно имевшие дело с практической жизнью английского поместья, считали его своего рода «слепком» с английского общества, в качестве непременных атрибутов манора указывая на необходимость наличия материальной субстанции (земли), того, кто ею распоряжается, и того, кто работает на ней. Хотелось бы добавить к этому, что, судя как по источникам аграрной истории, так и по итогам новейших (правда, немногочисленных) исследований в указанной области, непременным атрибутом манора должна была являться *курия*, находившаяся, как правило, в резиденции лорда и представлявшая собой важный хозяйственный, судебный и политико-административный центр внутриманориального мира. В курии решались все хозяйственные дела (включая дела крестьянской общины), хранились описи и рентали поместья (включая описи общинных земель), проводились судебные заседания, на которых разбирались тяжбы крестьян с лордом и межкрестьянские споры. Курия служила местом,

где отправляли свои функции представители администрации манора. Здесь же приносилась феодальная присяга лорду со стороны держателей. И, наконец, именно в курии оформлялись документы на различные виды держаний, а также осуществлялась «ратификация» лордом земельных передвижек в маноре.

С учетом необходимости (как представляется, недостаточно оцененной в нашей историографии), помимо поземельных и рентных отношений, иметь в виду и роль курии в жизни английского манора периода Средневековья и раннего Нового времени, можно было бы предложить следующее его определение. Манор – это хозяйственная и политико-правовая организация, присущая английской деревне периода Средневековья и раннего Нового времени и характеризующаяся внутренним самоуправлением, осуществляемым лордом, его администрацией и представителями крестьянского мира (через посредство курии) с целью реализации в виде ренты владельческих прав лорда на землю и держательских прав крестьян на их наделы и орудия труда⁷.

---

⁶ Сравните: "... is not every manor a little commonwealth, whereof the tenants are the members, the land the body and the lord the head?" // Norden J. The Surveyor's Dialogue. L., 1618. P. 27.

⁷ В сущности, это определение было бы более уместным привести в конце настоящей работы, после того, как читателю станет очевидным весь «пласт» исследования не только поземельных и рентных отношений, но и отношений «повседневности» внутри крестьянского мира, основанных на изучении конкретных данных различного типа источников манориальной истории. Признаюсь, что дать такого рода определение оказалось возможным уже после того, как я закончила работу. Просто помещаю его здесь, чтобы придать некоторую завершенность небольшому (но важному) разделу, посвященному манору.

Часть 2. Основные источники по истории английского манора XVI-первой трети XVII вв. Задачи исследования.

История английского манора периода позднего Средневековья и начала Нового времени представляет особый интерес для исследователей аграрных отношений, ибо ее изучение позволяет проникнуть в реалии аграрного устройства английской деревни в критическую для судеб традиционных производственных отношений эпоху – эпоху аграрной революции, значительных изменений в социально-экономическом строе страны. Детальное изучение особенностей регионального аграрного развития Англии, сквозь призму которых преломлялись общие социально-экономические закономерности перехода от феодального способа производства к капиталистическому, возможно прежде всего путем тщательного исследования основного типа документов манориальной истории: описей (экстентов маноров) и ренталей (списков рент). Фактический материал, представленный в манориальных описях, хотя и выраженный зачастую в труднодоступной для исследователя форме, дает, тем не менее (при условии соответствующей статистической и терминологической обработки) редкую и ценную возможность изучить реальную жизнь английского сельского общества.

Хотя манориальные описи давно уже изучаются отечественными историками-аграрниками, тем не менее, в нашей литературе найдется не так уж много примеров аналитического разбора этого типа источников по отношению к периоду раннего Нового времени⁸. Для аграрной истории эпохи Средневековья эту задачу выполнил Е.А. Косминский.⁹

---

⁸ См.: Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906. Семенов В.Ф. Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средние века. Вып. 25. 1964.

⁹ Косминский Е.А. Указ соч. С.43-121.

Здесь мы попытаемся дать характеристику указанного типа источников для XVI – начала XVII вв.¹⁰ на примере крупных земельных кадастров, относящихся к юго-западному и северо-западному регионам Англии. Речь идет практически о единственном и главном типе документов – массовых (серийных) источниках, на материале которых основано большинство положений и выводов отечественной историографии по социально-экономическому развитию английской деревни периода Средневековья и начала Нового времени. Характеристика указанных источников в качестве *массовых* предполагает как минимум а) идентичные причины и обстоятельства составления описей отдельных маноров, включаемых в свод (кадастр), б) стандартные их содержание и форму, в) большую (измеряемую десятками и сотнями тысяч акров) территорию, подлежащую включению в описи.

В моем распоряжении имелся обширный материал, лишь частично использованный для изучения рядом отечественных и зарубежных историков. Это материал манориальных описей графов Пемброков в юго-западной Англии, крупнейших лендлордов периода правления Елизаветы и первых Стюартов. Существует две серии описей земель Пемброков. Первая относится к 60-м годам XVI века, в то время как вторая фиксирует состояние владений этой влиятельной фамилии в 30-е годы XVII столетия.¹¹ Когда-то, в период подготовки монографии об

---

¹⁰ См. также: Винокурова М.В. Манориальные описи графов Пемброков и Монтгомери как исторический источник (конец XVI – начало XVII вв.) // Проблемы Британской истории. М., 1987. С. 198-207.

¹¹ Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-67. Oxford, 1909. Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery. 1631-32. Devizes, 1953. К изучению этих описей эпизодически обращались Р.Г. Тоуни, С.И. Архангельский, В.Ф. Семенов, Э. Керридж. Однако никем из названных исследователей полный сравнительно-статистический анализ этих объемных источников не проводился.

английском крестьянстве юго-западной Англии¹², эти крупные земельные кадастры послужили мне в качестве базовых источников, на основании которых удалось выявить динамику социальных процессов, имевших место в уилтширской деревне в канун революции середины XVII в. Тем не менее, я сочла необходимым и возможным использовать целый ряд данных этих источников и для подготовки настоящей работы. Чем объяснить такое решение? Причина его, как представляется, вполне основательна. Так, некоторые важные вопросы, поставить которые, казалось бы, представлялось вполне возможным ранее (ввиду наличия в описях соответствующей информации), в свое время не были поставлены. И не потому, что познавательные возможности описей остались в начале 90-х гг. недооцененными, а потому, что выдвижение ряда проблем аграрной истории в то время требовало подкрепления анализом источников других регионов Англии, которыми я тогда не располагала. (К числу таких вопросов относятся, например, проблемы специфики сроков держаний, «последнего вилланства» в Англии раннего Нового времени, поселений городского типа в ряду типичных маноров, роли курии как административного и судебного «ядра» манора и некоторые другие; все они будут подробно рассмотрены ниже, в ходе исследования).

В 1999 г., во время работы в Отделе редкой книги библиотеки Бирмингемского университета, мне случайно удалось найти еще один крупный свод земельных описей, относящийся к северо-западному региону Англии (графство Ланкашир)¹³. Это было именно то, что нужно. Теперь уже можно было, ввиду обработки новых, весьма

---

¹² Винокурова М. В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (На материалах графства Уилтшир). М., 1992.

¹³ The Survey of the Manors of Rochdale in the County of Lancaster, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney

репрезентативных источников, относящихся к иному региону Англии, вернуться и к анализу «старых», на самом деле все еще таивших богатые познавательные возможности, с тем, чтобы *на базе статистической обработки материала провести сравнительное исследование юго-западного и северо-западного регионов Англии XVI – первой трети XVII в. и на этой основе – постараться «нарисовать» максимально полную картину внутренней жизни английского манора (как социально-экономического и правового феномена) преимущественно периода раннего Нового времени*¹⁴. Вот почему я «вспомнила» о манориальных описях графов Пемброков. На самом деле о них и невозможно забыть – еще и еще раз подчеркну, что научные возможности этих земельных кадастров весьма широки, тем более при новом («регионально-компаративном») подходе к ним.

Итак, об описях графов Пемброков. Основное земледельческое ядро их владений было расположено в Уилтшире – одном из графств юго-западной Англии. Эти земли издавна являлись частью королевского домена, и только в 50-х годах XVI века одновременно с секуляризованными в 1539 г. землями Вилтонского аббатства они были пожалованы графу Вильяму Герберту Пемброку, после чего и закрепились за семьей Пемброков и Монтгомери.

Вильям Герберт граф Пемброк (1501 – 1570), при котором был составлен земельный кадастр 1566-67 гг., вначале небогатый рыцарь, после женитьбы на Анне Парр, родной сестре шестой жены короля Генриха VIII, был одарен властями землями из секуляризованного монастырского фонда. В 1555 г. он приумножил свое состояние,

---

General, made in 1626. Ed. by Henry Fishwick. The Chetham Society. M., 1913. Подробная характеристика этого кадастра будет дана ниже.

¹⁴ Слово *преимущественно* здесь вполне уместно, т.к. некоторые проблемы внутренней жизни английского манора (так, вопрос о «преступлениях и

получив в Уилтшире от Марии Тюдор новые владения, центром которых было поселение городского типа Вилтон.

Сын Вильяма Герберта Генри был не такой уж примечательной личностью (пожалуй, он более всего известен в истории как супруг Мэри Сидни, графини Пемброк, сестры известного поэта Англии и «образцового придворного» Филиппа Сидни, автора знаменитой поэмы «Аркадия»). Зато внук родоначальника рода Пемброков, тоже Вильям, известен как крупный меценат, любитель и знаток живописи, канцлер Оксфордского университета. Поскольку собственных детей у него не было, то все земли перешли по завещанию к его брату Филиппу Герберту, носившему по своим владениям в Уэльсе титул Монтгомери, также довольно известному политическому деятелю, фавориту Якова I и Карла I, занимавшему при Стюартах ряд высших государственных должностей. С именами первого и четвертого представителей фамилии Пемброков и связаны два интересующие нас сейчас земельные кадастра.

Составление описей земельных владений было весьма распространенным явлением в практике хозяйственной деятельности манориальных лордов. Необходимость систематизации конкретных правовых норм внутриместной жизни, регулировавших ее в рамках сложившегося обычая, объяснялась в основном общими условиями того времени. Вполне понятно, что лордам – крупнейшим собственникам земли – надо было учитывать владения, полученные из разных источников, особенно в условиях аграрной революции: колеблющейся стоимости денежных знаков, изменения цен на шерсть, зерно и землю... Если помнить также о постоянных крестьянских волнениях в юго-западной Англии в 50-60-х годах XVI в. и в 30-40-х годах XVII в.,¹⁵ то

наказаниях» в жизни крестьянства), ввиду специфики таких источников как протоколы манориальных курий, исследуются на основе материалов XIV в.

¹⁵ Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40-50 годы XVII века. М., 1960. С.67-68, 131-136.

назначение экстенгов маноров с фиксированными в них крестьянскими повинностями и платежами как своеобразных «законов», регулирующих жизнь сельского населения, становится вполне понятным.

Составление первого из интересующих нас сводов манориальных описей было поручено в начале марта 1563 г. особым комиссарам – двум джентльменам, состоявшим на службе у Вильяма Герберта – юристам Чарльзу Воугену и Роберту Грову, имевшим к тому времени немалый опыт практической администраторской деятельности. В течение 1563-1565 гг. ими были проведены предварительные землемерные работы; в результате было описано более 40 маноров. В общем же число населенных пунктов, состояние дел в которых было отражено в описях, превысило сотню. К слову, факт несовпадения численности маноров и деревень во владениях Пемброков служит еще одним подтверждением упомянутой выше многоликости вотчинных форм в Англии эпохи позднего Средневековья, в том числе и на Юго-Западе страны.

Экстенги маноров владений Пемброков елизаветинских времен составлены на латинском языке. Они представляют собой 122 пергаментные мембраны, сшитые в несколько связок-томов. В течение трех с лишним веков эти документы пролежали в графской канцелярии Вилтона и были обнаружены лишь в начале XX века. В 1909 г. источники были обработаны и опубликованы Чарльзом Стратоном.

Второй интересующий нас земельный кадастр был составлен примерно через три четверти века (в 1631-1632 гг.) двумя землемерами, служившими у графа Филиппа Пемброка и Монтомери, - Робертом Дрю и Вильямом Кентом. Составленный (на английском языке) в первой трети XVII в., он был опубликован Э.Керриджем лишь в 1953 г. в отчетах Уилтширского общества археологии и естественной истории. Свод имеет стандартную форму, то есть представляет собой описание 17

маноров владений Пемброков, и фиксирует главным образом положение держателей различных юридических статусов.

Давно известно, что манориальные описи составлялись не только путем землемерных работ, но и на основании отчетов держателей об их хозяйственном положении, которые, как правило, заслушивались в присутствии лорда и членов манориальной администрации в манориальной курии. Вполне вероятно, что в нашем случае землемеры Дрю и Кент не особенно утруждали себя обмерами угодий манора, а брали за основу показания самих держателей в манориальном суде (в таком случае показания непременно давались под присягой и в присутствии 12 или 24 присяжных – наиболее уважаемых членов деревенского «мира»). Они могли также основываться и на предыдущих записях в протоколах манориальной курии о земле, сданной в тот или иной вид держания. Недаром в описи 1631-1632 гг. в отличие от земельного кадастра 1566-1567 гг. акцент сделан не столько на описании общинных земель, лугов и пастбищ, сколько подробнейшим образом охарактеризовано состояние хозяйства каждого держателя, будь то зажиточный арендатор или безземельный коттер. Кроме детального определения точных размеров пахотной земли, луга и пастбища каждого держателя, в источнике 30-х годов XVII столетия содержится подробное описание его жилища, двора, надворных построек, помещений для скота и птицы, что в целом не характерно для описей этого периода.

Так какой же материал содержат интересующие нас компактные массовые источники манориальной истории предреволюционной Англии?

Во-первых, они дают представление о размерах крупного землевладения в Англии – Пемброки имели десятки тысяч акров земель, в состав которых входили пашни, луга, пастбища, леса, пустоши и т.д. К сожалению, в них (и в особенности в земельном кадастре 1631-1632 гг.)

практически не содержится сколько-нибудь подробных данных о размерах домениальной земли. Следовательно, в целях установления пропорций между землей домена и держательского клина мне приходилось, согласно традиции, существующей в исследованиях по аграрной истории, условно считать все крупные аренды расположенными на домениальной земле.

Во-вторых, из описей (особенно из земельного кадастра 1566-67 гг.) отчетливо проступает система поместной администрации. Известно, какую роль в жизни английского крестьянина играла, например, манориальная курия. В курии держатель после принесения лорду присяги и уплаты вступного файла получал допуск к держанию – копию протокола, в котором фиксировались размеры участка земли, полученного им от лорда манора, типы угодий, сроки держания, различного рода повинности и т.д. Не последняя роль в системе манориальной юрисдикции отводилась и различного типа судам: существовали так называемые баронские суды (courts baron), суды для копигольдеров (customary courts), специальные суды для принесения феодальной присяги (courts of recognition), суды, во время которых составлялись сами описи и рентали (courts of survey) и т.д. В источниках упоминаются и служащие манориальной администрации: главный управляющий поместным хозяйством (стюард или сенешал), обычно представлявший лорда манора в манориальных судах при рассмотрении дел держателей, бэйлифы – приказчики в манорах, дворцовые служащие, выполнявшие хозяйственные функции и т. д. К сожалению, описи Пемброков, как и другие источники подобного типа, дают слабое представление о нормах манориального обычая, что затрудняет исследование такого важного и малоизученного вопроса как эволюция обычного права.

В-третьих, клерки позаботились и о том, чтобы провести вполне четкую границу между отдельными категориями держательского состава манориального комплекса: деление сельского населения маноров на фригольдеров, копигольдеров и арендаторов дает основание для решения вопроса об особенностях юридической и социально-имущественной дифференциации в их среде. Особенность анализируемых описей, как и источников манориальной истории эпохи Средневековья в целом, состоит в том, что в них слабо отражен слой субдержателей: последние манориальную администрацию не интересовали, так как не выплачивали фиксированных обычаем рент непосредственно лорду манора.

Наконец, описи маноров дают обширный материал об эволюции рентных отношений. В них обычно содержатся подробные данные о размерах выплачиваемых рент, как денежных, так и натуральных, а зачастую – и отработочных, сообщаются размеры вступных платежей и гериотов. Особенность описи 1631-1632 гг. - часто встречающаяся приписка манориальной администрации (worth), которая фиксировала ежегодную стоимость крестьянского хозяйства. Как правило, эта стоимость была выше обычной годовой ренты, но ниже вступительного взноса за держание. Очевидно, необходимость «присоединения» данной приписки клерков к отчету о хозяйственном положении каждого держателя в практической жизни манора зависела от ее величины, ибо, исходя из нее, лорд требовал в дальнейшем нового повышения файла, отнимая у держателей то, что они успели накопить за время, прошедшее между заключением двух копий, тем самым компенсируя свои убытки, связанные с неподвижностью обычных рент.

Манориальные описи, и в частности, экстенды маноров Пемброков, таким образом, позволяют нам использовать их в качестве довольно надежных и репрезентативных источников для выяснения

вопроса о специфике развития аграрных отношений в Англии в канун революции середины XVII в.

В этой важнейшей проблеме имеется много аспектов, осветить которые возможно лишь на основе соответствующей статистической обработки данного типа источников. К их числу относятся, например, следующие:

1. соотношение юридических типов держаний (манориальная и держательская структура);
2. сословная принадлежность держателей;
3. юридический статус держаний;
4. дифференциация крестьян различных сословных статусов;
5. соотношение суммы рент с единицы держания на земле различных юридических статусов;
6. сословная и экономическая характеристика аренды;
7. проблема свободного держания.

Получить качественно выраженные ответы на совокупность этих (и многих других) вопросов является для компактной группы маноров редкой, если не уникальной возможностью даже на одном и том же хронологическом срезе. Познавательная важность манориальных описей как основного типа источников по аграрной истории еще более повышается от того, что их сравнительно-статистический анализ на *различных* хронологических срезах (в нашем случае это 60-е гг. XVI в. и 30-е гг. XVII в.) позволяет выявлять не просто *статику*, а *социальную динамику* процессов, имевших место в сельской экономике предреволюционной Англии.

Однако обработка манориальных описей, в том числе и экстенгов маноров Пемброков, отличающихся в целом хорошим состоянием, связана для исследователя, как уже упоминалось выше, с определенными трудностями. Речь идет не столько о сложнейших

статистических подсчетах, сколько о тонкостях терминологическо-смыслового анализа. Дело в том, что в описях того времени проявилось обусловленное спецификой переходной эпохи противоречие между новыми явлениями в социально-экономической действительности и традиционно средневековыми способами отражения этой действительности в документах манориальной истории. Достаточно упомянуть, например, что термин «копигольдер», обозначающий классический юридический статус английского крестьянина XIV – XVIII вв., в описях раннего Нового времени зачастую применялся по отношению к держателю, которого трудно было считать крестьянином по его хозяйственному положению, - ему, как обладателю 150-200 (а иногда и более) акров земли, мог позавидовать любой фермер. Так, согласно данным описей владений Пемброков елизаветинских времен, крестьяне-копигольдеры Эгидиус Хорси из манора Брод Чок и Джоанна Кинг из манора Олведистон держали соответственно 194,5 и 186 акров земли: пашня и пастбище, луга, леса, огороженные участки, сады. В описях 1631-1632 гг. также нередко фиксируются подобные «крестьянские» держания: так, Эдуард Вебб и Джеффри Бардон из манора Стантон Бернارد хозяйствовали на земле, площадь которой равнялась соответственно 167 и 165 акрам, а Ральф Даниелл обрабатывал участок, равный 175 акрам.

Названные держатели и хозяйство, которое они вели на столь обширных наделах, явно выходят за рамки самого представления о крестьянстве – классе, так или иначе эксплуатируемом и подчиненном, равно как и о крестьянском хозяйстве, основой которого являлось трудовое начало крестьянской семьи. Разумеется, причислять такие хозяйства к крестьянскому типу держаний совершенно неправомерно, и это приходится иметь в виду при работе с источниками манориальной истории, внося определенные «коррективы» в записи клерков и стремясь

к адекватному реальной действительности смысловому толкованию документов.

Некоторые разделы описей имеют дефекты, что также создает определенные сложности для их обработки. Очень часто исследователю приходится «разгадывать» истинное значение многих терминов и рубрик, интерпретировать отсутствие тех или иных «позиций» в положении держателей и т.д. Неясно, например, что означает постоянно встречающийся в источниках термин «blank» – «пропуск, лакуна»: свидетельствует ли он об истинном отсутствии в тех или иных случаях каких-то данных (рент, вступительных платежей, угодий определенного типа и т.д.) или говорит о небрежности переписчиков, временами, возможно, забывавших внести в описи определенные, подчас весьма важные детали. С другой стороны, известная «дотошность» манориальных клерков в деле составления экстендов, основывающаяся прежде всего на пристальном контроле их деятельности со стороны односельчан, заинтересованных в адекватном отражении в описях своего истинного материального положения, как будто бы опровергает это предположение, равно как и предположение о сознательной небрежности представителей поместной администрации.

Так или иначе, но дефекты подобного рода в описях довольно многочисленны. Однако важна не столько констатация того, что их наличие в определенном смысле влияет на точность статистических подсчетов. Как представляется, важнее помнить другое: при работе с источниками по аграрной истории точность статистических подсчетов и точность результатов исследования – далеко не одно и то же. Результаты сравнительно-статистического исследования документов манориальной истории зависят прежде всего от исторической логики самих приемов этого исследования. Поэтому при анализе таких сложных источников

как описи маноров есть смысл учитывать следующие важнейшие принципы:

1. территориальные пределы изучаемого региона должны полностью совпадать в сравниваемых хронологических разрезах (территориальный принцип);
2. однородность содержания разновременных земельных кадастров должна служить основанием для одних и тех же принципов группировки данных, чем максимально обеспечивается сопоставимость результатов исследования на различных хронологических срезах (принцип идентичности данных);
3. при сопоставлении данных лучше учитывать не только абсолютные цифры, но и процентное соотношение того или иного вида анализируемых позиций.

Ценность сравнительно-статистического исследования, построенного на указанных принципах, значительно повышается, ибо его результаты, являясь в начале анализа абсолютно непредсказуемыми, в конечном итоге полностью поддаются проверке.

Каковы же были принципы составления описей в манориальной курии? Надо отметить, что информация в них разнесена, как можно заметить сразу же, с первого взгляда, по именам держателей. Какая этой информация? Это имя и фамилия держателя, сроки держаний, площадь земли и типы угодий, ренты, доходы, файны и т.д. И так для каждого из лиц, зафиксированных описями. Эти позиции однотипны, они фиксируются клерками с максимальной степенью тщания, скрупулезно, до перча и пенса. Таким образом, когда исследователь сегодняшнего дня готовит специальную табличку на каждого из держателей, куда вносит все указанные выше данные (в качестве первичного этапа обработки источника), то «сетка» такой таблички – не выдумка, не изобретение

историка, старающегося сплести тенета для того, чтобы уловить «памятное» в прошлом. Нет, эта сетка основывается на реалиях *той* жизни, она отражает данные источника, составленного, повторю, максимально тщательно, по показаниям крестьян и обмерам, в присутствии 12 или 24 поверенных в манориальной курии. Не только лорд или администрация манора следили за тщательным составлением описей; эта тщательность и скрупулезность были залогом повседневной жизни самого крестьянства (не дай Бог было зафиксировать ренту, большую на долю пенса или участок, меньший хотя бы на акр).

Вся эта информация правдива, она отражает истинное состояние вещей. В этой истинности, объективности данных, продиктованных самим прошлым, также заложена возможность исследований по аграрной истории в виде проведения сравнительно-статистических экспериментов, о которых мы уже упоминали и результаты которых, будучи поначалу абсолютно непредсказуемыми даже для самого историка, в конечном итоге полностью поддаются проверке. Однако для постановки идеального эксперимента – еще раз подчеркиваю это – нужно и неперемное соблюдение принципа идентичности данных, фиксируемых как для отдельного держателя, так и для целых категорий держателей по отдельным манорам и в конечном итоге – по отдельным регионам.

Однако тут-то и начинаются трудности для исследователя. Одна из них состоит в том, что приходится преодолевать противоречие между социальными (общими) терминами и данными источников об индивидуальном начале в крестьянском мире. Ведь индивидуумы обозначены в них одновременно именами собственными и социальными терминами. Причем часто в одном имени собственном пересекаются разные социальные имена: так,

некий держатель Джон Фрост может числиться в описи как благородный-эсквайр, при этом быть держателем на общем праве (фригольдером) и одновременно являться владельцем копигольда в этом же маноре, а следовательно, быть зачисленным в описи в раздел «копигольд». Тут уже в именах собственных пересекаются не только социальные (сословные) термины, но и социальные статусы земли. Таким образом, анализ манориальных описей на основе специальной методики – это не столько некое «действие» историка, стремящегося построить модель аграрного общества, и состоящее из набора определенных методов и приемов, сколько попытка уловить отражение в источниках того реального, очень сложного и многомерного мира, который представлял собой мир английского манора. *Манориальные описи представляют собой особую форму передачи памяти; это очень надежные и репрезентативные источники, в которых почти осязаемо, материально отражена как индивидуальная, так и коллективная, групповая (сословная) память, основанная на роли традиции и определенного «алгоритма» учета данных при составлении указанных документов.* Однако, несмотря на богатый бытовой материал, содержащийся в манориальных экстендах, несколько односторонний характер этих сведений требует их дополнения источниками другого типа, которые пролили бы свет на наиболее важные стороны аграрной жизни Англии, в том числе связанные и с повседневной жизнью крестьянства.

Речь идет прежде всего о протоколах манориальных курий, к использованию которых в качестве особого типа источников совсем нечасто прибегали отечественные исследователи, сосредотачивавшие свое внимание в основном на анализе описей и ренталей. Между тем

протоколы курий, о которых мы еще будем говорить подробнее¹⁶, дают редкую и ценную возможность заглянуть в жизнь английского манора в ее повседневной динамике, изучить такие важные вопросы как стадии формирования манориального обычая, механизм наследования крестьянских наделов, проблему взаимоотношения между обычаем манора и волей лорда, специфику преступлений и наказаний во внутриместной жизни, имущественные права женщин (и более всего – вдов) согласно обычному праву и т.д.

В исследованиях по аграрной истории полезно также использовать протоколы квартальных сессий мировых судей, фиксировавших уровень цен и уровень заработной платы – сведения большой важности для понимания сельской экономики в целом, а в особенности в период аграрного капитализма.

Наконец, такая важная проблема как сопротивление крестьянства произволу манориальных лордов в полной мере не может быть исследована до тех пор, пока не станет массовым обращение историков к изучению свитков королевских судов (как разъездных, так и заседавших в Лондоне), в которых указанный вопрос находит достаточно полное отражение.

Таким образом, еще раз хочется подчеркнуть, что первоочередной задачей исследователей по аграрной истории Англии является конкретное изучение возможно большего числа владельческих комплексов различных регионов страны на основе статистической обработки описей и ренталей с введением в научный оборот практически неиспользованных материалов, таких как упомянутые

---

¹⁶ Я намеренно не хочу характеризовать в этом разделе такой тип источников как протоколы манориальных курий. Во-первых, по целому ряду важных причин я работала с протоколами курий не XVI-XVII, а XIV в., а во-вторых, характеристика этих источников, ввиду их специфики, всегда тесно связана с

протоколы манориальных курий, записи крестьянских тяжб в различного рода судах, описи движимости в крестьянских хозяйствах после смерти держателей, приказчиьи отчеты, прения по аграрному вопросу в английском парламенте и т.д.

Решение этой задачи (при условии пополнения рядов исследователей по аграрной истории) помогло бы привести к воссозданию картины реальной действительности английской деревни во всей ее многоплановости.

А теперь, после того, как мы обрисовали наши источники по Юго-Западу, настала пора обратиться к характеристике земельного кадастра, сыгравшего роль «фундамента» для анализа аграрного развития в данной работе еще одного региона Англии первой трети XVII в. Речь, как уже упоминалось, идет о северо-западном графстве Ланкашир, в котором в указанное время был расположен огромный земельный комплекс под названием Рочдейл, состоявший из 20 крупных маноров.

Мое знакомство с манориальными описями Рочдейла состоялось вполне случайно – так мне казалось три года назад, когда я работала в уже упомянутой выше библиотеке Бирмингемского университета и честно пыталась выполнить свою основную задачу: подобрать источники манориальной истории для нового сравнительно-статистического исследования по истории английского манора. Хотелось, в соответствии с классическими принципами подобного рода исследований, подобрать документы таким образом, чтобы они относились к одному и тому же региону страны, были составлены примерно в одно и то же время с некоторым хронологическим «разрывом» (как это было в случае с

теми выводами, которые можно сделать на основе работы с ними. И мне бы не хотелось предвирать эти выводы. Обо всем этом ниже.

описями маноров графов Пемброков) – словом, представляли бы собой идеальную основу для выявления динамики аграрного роста. Но не тут-то было. После долгих поисков, включавших работу с каталогами, консультации с коллегами из университета и архивистами библиотеки, я осознала, что в свое время, в период подготовки работы по английскому крестьянству юго-западного региона страны, мне просто необычайно повезло с источниками – описями поместий Пемброков – они-то как раз отвечали всем требуемым условиям.

Однако вторично такого не случилось, да, наверное, и не могло случиться. Описи Пемброков, сделанные в одних и тех же манорах с разрывом в три четверти века – явление уникальное. При работе с ними возникает впечатление, что составители этих документов словно бы рассчитывали на их изучение историками будущего. Словом, не удалось найти ничего похожего на источники подобного рода. И тогда было решено, что все будет немного иначе. «Раз нет основы для постановки идеального сравнительно-статистического эксперимента», – размышляла я – «то надо подобрать фундаментальные экстенды, еще не введенные в научный оборот, по одному из малоисследованных регионов Англии XVI-XVII вв. и провести сравнительное исследование по региональному принципу». Так и было сделано. Выбранным регионом оказался Северо-Запад Англии, а более конкретно, как уже указывалось, – графство Ланкашир, в котором и был расположен манориальный комплекс Рочдейл, описи которого, относящиеся к 20-м гг. XVII в.,¹⁷

---

¹⁷ Сошлюсь на эти источники еще раз: *The Survey of the Manors of Rochdale in the County of Lancaster, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626.* Ed. by Henry Fishwick. The Chetham Society. M., 1913. Описи, как мы видим, были изданы (на английском языке) в 1913 г. Генри Фишвиком, известным издателем и антикваром, для

удалось отыскать. И я решила, обработав по известной методике эти объемные источники, сравнить итоги аграрной эволюции северно-западного типа с итогами аграрного развития на Юго-Западе Англии предреволюционной поры – благо, что экстенды маноров Пемброков прошли уже этап статистической обработки. Главное, что меня устраивало: описи маноров обоих регионов были составлены примерно в одно и то же время. Кроме того, исследование почти 50 маноров (29 по Юго-Западу – по двум хронологическим «срезам» – и 20 по Северо-Западу) могло бы дать, как я считала и как считаю по сей день, вполне весомое основание для характеристики аграрного развития в «маргинальных» регионах страны. Ведь известно, что в отечественной историографии практически нет локальных исследований периферийных регионов Англии как в Средневековье, так и в раннее Новое время. Куда как лучше исследованы центральные и восточные ее районы.

Так я еще раз убедилась, что в жизни очень мало случайного. Очевидно, исследовательская «тропа» не напрасно привела меня в Ланкашир раннего Нового времени – во всяком случае, еще раз подчеркну, что в нашей литературе отсутствуют исследования, посвященные механизмам аграрного роста в этом регионе в указанное время. Добавлю к этому, что сами манориальные описи

Chetham Society. Оригинал их, представлявший собою три огромные рукописные тома, ныне, к сожалению, утерян. Копия с оригинала была сделана собственноручно Фишвиком и еще одним известным антикваром того времени, Кэноном Рэйнсом, в 1879 г. Затем названные три тома перешли тогдашнему хозяину Рочдейла, Джеймсу Баттерверфу, и в течение какого-то времени хранились в его библиотеке. Что случилось с ними далее – неизвестно, но только они исчезли. И тогда Фишвик решил опубликовать материалы так вовремя сделанных копий. Не будь их – наверное, не было бы и данного исследования.

Рочдейла не только не изучались никем из английских историков, но, по всей видимости, до сих пор неизвестны многим из них¹⁸.

Так в моей жизни возник Рочдейл.

Это поместье, расположенное – повторю еще раз – в северо-западном «углу» Англии, в восточной части графства Ланкашир, так же, как и комплекс маноров Пемброков в Уилтшире, имеет долгую и достаточно любопытную владельческую историю.

Рочдейл известен со времен Нормандского завоевания Англии как часть коронных земель, и даже в обнаруженных мною описях первой трети XVII в., он все еще, несмотря на ряд «переходов» XIII-XVI вв. из рук в руки, фиксируется как «часть королевского домена».

История Рочдейла XI – XII вв. темна - источники не проливают хотя бы тусклого света на хозяйственную или владельческую стороны его «жизнедеятельности». Однако известно, что около 1212 г. Рочдейл, состоявший в то время из 20 маноров, был пожалован Иоанном Безземельным (как часть королевского домена) дому герцогов Ланкастерских¹⁹. С этого времени короли Англии начинают «делегировать» свои владельческие права в частные руки (во владение или феодальную аренду) за выплату королевской ренты, уровень которой должен был составлять 4 d/акр. с наделов держателей. В середине XV в., во времена правления Эдуарда IV, эти маноры были взяты у короны в аренду сэром Николасом Байроном (за ренту 18£ 6s.8d. + королевская рента с

---

¹⁸ Я бы не посмела этого утверждать, если бы не продолжительные беседы с известным медиевистом из Великобритании Кристофером Дайером, пригласившим меня поработать в библиотеке Бирмингемского университета, за что я ему очень признательна. Он был весьма рад тому, что мне удалось обнаружить указанные источники, хотя сам (как и другие его коллеги-медиевисты) не подозревал об их существовании.

¹⁹ The Survey of the Manors... Introduction. P. vii.

держателей) и закрепились за домом предков знаменитого английского поэта (при этом по-прежнему являясь частью коронных земель, что особо подчеркивается в источниках) почти на два столетия.

По истечении в 1625 г. срока этой длительной аренды Байроны не стали возобновлять договора с короной по одной-единственной причине: они были небогаты и не могли более выплачивать ренты. Известно письмо графа Шрусбери, датированное 1603 г. и адресованное Джону Байрону, в то время хозяйствовавшему в Рочдейле. В нем есть такие строки: «... Вы опутаны долгами, и до тех пор, пока Вы не освободитесь от них, они будут разъедать Ваше состояние, как моль – Вашу одежду»²⁰.

В 1625 г. вступивший на английский престол Карл I через посредничество сэра Ричарда Моллино, управлявшего в то время манорами от имени короля, передает их (за определенную сумму, высота которой, к сожалению, не указана в источниках) сэру Роберту Хиту (Heath), рыцарю, генеральному атторнею (поверенному) его величества (His Majesty's Attorney General). Вот при нем-то в 1626 г. и были составлены описи 20 маноров Рочдейла, которые явились нашими основными источниками для исследования механизмов аграрного роста в северо-западном регионе Англии указанного периода.

Однако эти земли недолго пребывали в руках генерального атторнея. Уже через год он заложил их за 2500£ старшему сыну вышеупомянутого Джона Байрона, женатого, к слову, на Анне Моллино, дочери королевского управляющего. Очевидно, сын Байрона был более рачительным хозяином, чем его отец, коль скоро он смог выплатить Роберту Хиту столь крупную сумму...

С тех пор – и до 20-х гг. XIX в. – именно представители семейства Байронов являлись владельцами (но по-прежнему при «верховном посредничестве» короля) этих земель. И только в 1823 г. знаменитый Джордж Байрон продал их одному из местных эсквайров, джентльмену по имени Джеймс Дерден...²¹

Такова, вкратце, история маноров Рочдейла. Обращает на себя внимание тот факт, что «владельческая иерархия» Рочдейла включает, как минимум, два слоя номинальных собственников. Это, во-первых, корона и, во-вторых, те представители феодальной знати (включая – с XIII в. – семейство Ланкастеров, а позднее – Хитов и Байронов), к которым, как к владельцам первой руки от короля, периодически переходят указанные земли. В ходе работы с описями мы посмотрим, однако, насколько широко и полно в реальной жизни реализовали свои права номинальные собственники интересующих нас владений.

Описи маноров Рочдейла 1626 г. содержат описание четырех приходов восточной части Ланкашира (в бассейне реки Роч), каждый из которых состоял в то время из 3-7 маноров, и в которых, собственно, и были расположены интересующие нас земли. Это приходы Каслтон, Баттерверф, Хандерсфилд и Спотлэнд. В состав первого из них входило 4 манора (Каслтон, Марлэнд, Ньюболд, Берсилл), в состав второго – 3 (Баттерверф, Клегг, Холлингверф), в состав третьего – 6 маноров (Вардлверф, Вердейл, Вардл, Блетчингверф, Валсден, Тодморден) и, наконец, в состав четвертого – 7 (Фалинг, Чадвик, Спотлэнд, Волстенхолм, Хили, Уайтверф,

---

²⁰ Ibid. P. x.

²¹ Ibid. P. xi.

Россендейл)²². Это был массивный комплекс земель, действительно включавший, как видно из вышеперечисленного, 20 маноров общей площадью около 38 тыс. акров. Уже из приведенных цифр видно, что источники, фиксирующие их состояние в 1626 г., вполне пригодны для того, чтобы дать нам представление о размерах крупного землевладения в Англии раннего Нового времени. Ведь эти поместья были даже более обширны, чем охарактеризованные нами выше крупнейшие владения графов Пемброков в Уилтшире, составлявшие в совокупности около 35 тыс. акров²³. В состав маноров Рочдейла, что естественно, входила пахотная земля, пастбища, луга, вересковые пустоши, болота. Лесов и парков было мало – в описях практически не содержится сведений о них. Зато имелись каменоломни (stone quarries) и даже угольные шахты, хотя и совсем немногочисленные. Фиксируются также сведения о мельницах, рыбных ловлях, кроличьих садках и т.д. Особенностью манориального комплекса Рочдейл являлось то обстоятельство, что в нем не было собственно «домена лорда» (его не фиксируют источники), то есть того комплекса земель, на котором, по традиции, должны были отрабатывать барщину крестьяне. И это понятно – ведь Рочдейл, как указывалось, «от века» входил в состав земель короны. Он сам являлся доменом короля. Это обстоятельство, как мы, надеюсь, увидим в ходе исследования, наложило глубокий отпечаток на всю его историю и предопределило специфику хозяйственного развития. Однако в источниках зафиксированы общинные земли – правда, они имелись далеко не во всех манорах

---

²² Castleton, Marland, Newbold, Buersill, Butterworth, Clegg, Hollingworth, Wardleworth, Wuerdale, Wardle, Blatchingworth, Walsden, Todmorden, Falinge, Chadwick, Spotland, Wolstenholm, Healy, Whiteworth, Rossendale.

(лишь в 11 из 20). Их площадь составила, согласно подсчетам, 9603 акра (чуть более 25 % общей площади манориального комплекса).

Весьма непривычной особенностью описей маноров Рочдейла явилось то, что при «фиксации» ими типов угодий в каждом из крестьянских держаний они, эти угодья, к сожалению, не описывались отдельно. Так, например, сказано, что фригольдер Доусон из манора Фалинг держит «33 акра 5 руд 10 перчей земли, в состав которой входит пахота, луг и пастбище...»²⁴. При этом совершенно неизвестно, сколько именно акров каждого из типов угодий держит Доусон. Отсутствие такого рода данных у *всех держателей* Рочдейла, конечно же, существенно затрудняло решение вопроса о специфике хозяйственной направленности их деятельности, о выявлении пропорций между пастбищным и пахотным хозяйством, об особенностях огораживаний в Ланкашире и т.д. Хотя, что касается огораживаний в этом регионе, было достаточно беглого взгляда на источники, чтобы понять, что этот процесс, мягко говоря, не отличался здесь размахом: упоминания о них крайне скудны, буквально единичны.

Однако в целом описи составлены с необычайной тщательностью. Земли, «зафиксированные» в этих источниках манориальной истории, распределены, в соответствии с правилами составления такого рода документов, по отдельным «рубрикам» - точно так же, как это было сделано манориальными клерками владений графов Пемброков в Уилтшире. Таким образом, подразделение держателей на отдельные правовые категории в каждом из маноров дает возможность поставить и решить вопрос о

---

²³ При подсчете общей земельной площади владений Пемброков в Уилтшире я ориентируюсь на данные описей 17 маноров, проанализированных для XVII в. (а не 12, изученных для века XVI).

²⁴ Ibid. Manor Falinge. P. 167.

юридической и социально-экономической дифференциации в среде крестьянства. Особенностью держательского состава маноров Рочдейла, как мы увидим в дальнейшем, являлось наличие чрезвычайно плотного слоя фригольдеров – исторически это, несомненно, было связано с достаточно свободными распорядками на коронных землях. Однако здесь практически полностью отсутствовали отношения договорного типа (аренда). Так же, как и в описях маноров Пемброков в Уилтшире, в списках крестьянства Рочдейла не содержится сведений о субдержателях, поскольку, как уже отмечалось, они не интересовали составителей описей как лица, не выплачивающие обычных рент непосредственно лорду манора. Между тем наличие этого, по всей видимости, достаточно плотного слоя в порах маноров представляется практически несомненным – особенно если иметь в виду те огромные массивы земель, которые зафиксированы за значительной частью зажиточных держателей поместья, обработать которые было совершенно невозможно без привлечения дополнительных трудовых ресурсов. Впрочем, не будем забегать вперед.

Так же, как и описи маноров графов Пемброков в Уилтшире XVI - первой трети XVII в., документы манориальной истории Рочдейла содержат сведения о рентах держателей. Однако если описи владений Пемброков дают нам исчерпывающее представление не только об ежегодных денежных платежах, но и о платежах «эпизодических» (к каковым относились вступные файлы, отработки, натуральные выплаты, выплаты по баналитетам, герiotы, меркеты и пр.), то описи, произведенные в Рочдейле в 1626 г. при Роберте Хите, содержат сведения лишь о «*твердых*» *ежегодных обычных рентах*. Эта особенность источников может отражать лишь один факт: *крестьянство Рочдейла действительно*

не было обязано манориальным лордам никакими другими платежами, кроме упомянутого вида рент. В данном случае отсутствие файлов или гериотов в описях не могло объясняться ни забывчивостью клерков, ни какими-то другими обстоятельствами – во внутренней жизни английского поместья, при составлении документов в курии, не было ничего более важного, чем исчерпывающим образом зафиксировать в них земельные держания и ренты. Причины «облегченных» повинностей крестьянства Ланкашира мы попробуем выявить в ходе нашего исследования аграрных распорядков в указанном регионе. Следует добавить, что в описях маноров Рочдейла (точно так же, как это было в источниках манориальной истории графов Пемброков) с пристальной дотошностью фиксируется “worth” – ежегодный доход с хозяйства.

Странной – на первый взгляд – особенностью описей маноров Рочдейла является то обстоятельство, что в них практически не просматривается система манориальной администрации, между тем как ее представители играли, несомненно, очень большую роль во внутренней жизни поместья. Так, мы не знаем имен бэйлифов, стюардов, старост, писцов курии. Неизвестны также имена составителей описей. Сведения о порядке работы самой курии можно почерпнуть лишь косвенным путем – опять-таки на основе кропотливого сравнительного анализа записей отдельных держаний, представленных в документах, и терминологии, используемой для того или иного вида записей. Впрочем, это как раз понятно – прямые данные о порядке работы курий содержатся в источниках иного рода – протоколах этих курий (Manorial Court Rolls), которых для Рочдейла мы, к сожалению, не имеем.

Частично, я думаю, эти особенности манориальных описей Рочдейла можно объяснить некоторой поспешностью при их

составлении – ведь мы помним, что генеральный королевский атторней Роберт Хит, при котором были составлены документы (явно с целью систематизировать дела перед грядущей продажей поместья молодому Байрону), пребывал во владении землями совсем недолго и, очевидно, спешка при «обзоре» маноров была неизбежна. Но, думаю, что основная причина все-таки состояла не в этом. В чем же тогда? Ответить на этот вопрос, как и на многие другие, нам и предстоит в ходе анализа описей маноров ланкаширского поместья Рочдейл.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одной, весьма интересной особенности манориальных описей (в том числе и манориальных экстенгов Рочдейла), свидетельствующей об их богатых познавательных возможностях. Как показывает практика работы с указанным типом источников, в некоторых случаях, возникающих иногда весьма неожиданно, они дают возможность (при всем массовом, «серийном» характере заключенного в них материала, позволяющего подчас приходиться к выводам макроисторического или социологического порядка) использовать их в качестве источников казуальных. Речь идет о тех случаях, которые как-то выделяются, «выпадают» из общего ряда, являя характерные примеры исключения из нормы. Их исключительность порой неуловима, она почти не проявляется в общем информационном ряду описей. Но вот в тексте появляется легкий намек на необычное – и источник предоставляет исследователю возможность логической реконструкции нетипичного, затерянного в массовом материале, позволяя работать на стыке макро- и микроистории.

Приведу лишь один пример из текстов манориальных описей поместного комплекса Рочдейл. Этот обширный комплекс дал, в

частности, возможность исследовать особенности эволюции дворянского фригольда в указанном регионе в 20-е гг. XVII в. Работая над указанным сюжетом и занимаясь исследованием процесса концентрации фригольда в частных руках, я обратила внимание на то, что, в согласии с существовавшей в то время практикой оформления различного рода держаний в манориальной курии, фригольд «записывался», как правило, на лиц мужского пола. Но вот неожиданно источник дает указание на то, что иногда (правда, совсем нечасто) подобные записи могли оформляться манориальными клерками на вдов или замужних женщин. Вот этот, не совсем обычный, пример, свидетельствующий о том, что хозяйственной предприимчивостью (и не только хозяйственной) в исследуемый нами период вполне могли отличаться и представительницы слабой половины человечества. Перед нами – фигура Катерины Холт, благородной по происхождению и вышедшей, как записано в описи, замуж за благородного, джентльмена Фрэнсиса Холта, в самом начале правления короля Якова (1603 г.). Вот он, тот намек в источнике, о котором мы вели речь – ведь подобного рода записи являются совсем нетипичными для «сухих» лаконичных документов массового характера вроде манориальных экстенгов. Опись, к сожалению, не указывает размер ее приданого, выраженного в недвижимости или звонкой монете,²⁵

---

²⁵ Информация такого рода совершенно нехарактерна для документов манориальной истории типа поместных описей; в них редко указывается также и размер *dower* – так называемой «вдовьей доли», причитавшейся женщине после смерти кормильца. В лучшем случае в описях фиксируется общая площадь участка фригольда или копигольда, отходившего к наследникам в целом (как к вдове, так и к детям), размер гериота, то есть посмертного платежа лорду манора, иногда имеется приписка о том, что, согласно воле умершего, именно его вдова (а не старший сын) приносит лорду в курии присягу как новый держатель-восприемник. Ниже мы, возможно, осветим более подробно эту важную проблему, связанную с имущественными правами женщин в Англии, в том числе и внутри английского манора.

однако указывает, что в конце XVI в. Катерина Холт потеряла мужа, умершего «от болезни сердца» (еще одно свидетельство «нетипичного» - описи обычно хранят молчание по поводу причин смерти держателей), и вскоре вторично вышла замуж за молодого Джошуа Радклиффа, сына известного в Ланкашире эсквайра Сэвиля Радклиффа. Похоже, что Катерина Холт была весьма предприимчивой женщиной: помимо «фамильного» участка фригольда, доставшегося ей от покойного мужа, она хозяйствовала также на «свободной» земле, отошедшей ей от некоего Теофила Аштона, эсквайра, «согласно его последней воле и завету» (“by the last will and behest of Theophilus Ashton”); причем о причинах благорасположения покойного эсквайра к Катерине, опись, конечно же, не дает никаких сведений – об этих причинах мы можем только догадываться. Так или иначе, Катерина смогла сосредоточить в своих руках два участка фригольда в 32 и 40,5 акров, которые были расположены в маноре городского типа Вардлверф. Эти, казалось бы, весьма небольшие по площади участки земли, приносили их владелице весьма неплохой доход. С «фамильного» участка в 32 акра, доставшегося ей от первого (на момент описи покойного мужа), Катерина получала ежегодно целых 58 фунтов дохода! Достаточно стабильный доход в 30 фунтов в год приносил ей и второй участок размером в 40,5 акра – тот самый, что отошел к ней от эсквайра Аштона. Получая в сумме, таким образом, 88 фунтов с весьма скромного фригольда, Катерина Холт могла считаться вполне рачительной хозяйкой и богатой невестой в округе поместья Рочдейл.

Вторичное замужество, как следует из итогов работы с датировкой земельных держаний, зафиксированных в описи, последовало в самом начале 20-х годов XVII века: опись манора

Блетчингверф по *копигольду* в качестве первого по списку держателя земли этого юридического статуса фиксирует нашу героиню Катерину Холт. За нею в этом разделе документов значится обычное держание общим размером в 475 акров, датированное 21 октября 1621 г. и перешедшее ей «по передаче» (surrender) от Сэвиля Радклиффа, эсквайра. Сэвиль Радклифф, являясь отцом второго мужа Катерины, молодого Джошуа, и доводясь, следовательно, бывшей вдове новым свекром, очевидно, в качестве свадебного подарка решил преподнести молодым столь крупный участок земли; при этом, что не может не вызывать удивления, этот «дворянский копигольд», самое наличие которого в руках благородного или благородной свидетельствовало о неутоленном земельном голоде английского дворянства предреволюционного периода, «записывается», вразрез с нормами внутриманориального права, не на молодого джентльмена, а на его жену Катерину. Начнем с того, что богатый эсквайр Сэвиль Радклифф (за ним в трех манорах поместья Рочдейл значатся более 830 акров фригольда с годовым доходом в 215 фунтов) мог бы выделить своему сыну и его семье вовсе даже не участок копигольда (приносящий, кстати, очень скромный доход: всего 12 фунтов в год), а часть своего обширного держания на общем праве, которое было бы, несомненно, более экономически выгодным для молодоженов.

Почему же он не сделал этого? Только ли из нежелания растрачивать фамильные земли? Почему не «записал» участок «дворянского копигольда» на своего молодого сына? Только ли потому, что хозяйственная сметка Катерины Холт, явно известная всей округе, не могла не импонировать зажиточному эсквайру? Думаю, что ответ на эти вопросы не лежит на поверхности. Мы можем здесь отметить в указанной связи то обстоятельство, что,

согласно манориальному обычаю, тот или иной участок земли в документах курии записывали на жену, а не на мужа только в случае недееспособности последнего, вызванной физическими или умственными изъянами,²⁶ и свидетельствовавшей об отсутствии возможности управлять поместьем. Конечно, можно было бы предположить, что молодой Джошуа Радклифф постоянно отсутствовал в маноре (ведь на его имя вообще не зафиксировано земельных держаний в описи, что могло иметь место не только в случае недееспособности держателя, но и по причине его постоянного пребывания вне манора). Можно подумать, что он предпочитал заниматься коммерческой деятельностью в иных сферах (помимо сельскохозяйственного предпринимательства), пребывая, возможно, в течение длительного времени в Лондоне или за границей.... Однако в таком случае он должен был бы оставить своей жене доверенность на управление поместьем, будучи сам зафиксирован в манориальных документах в качестве его владельца. Но мы не находим такой доверенности, как и означенной фиксации. Остается все же предположить, что Джошуа Радклифф был действительно недееспособен и что его предприимчивая «половина», выходя замуж повторно, польстилась, скорее, на огромные земельные владения своего нового свекра, чем на молодость и благородное происхождение его сына.

Остается добавить, что, начиная исследовать «материальное состояние» Катерины Холт в общем русле работы над проблемой фригольда по комплексу Рочдейл, я вовсе не намерена была углубляться в изучение реалий ее частной жизни – «реконструкция» этой жизни последовала совсем произвольно, вслед за

---

²⁶ Maitland F.W. Selected Historical Essays. Cambridge, 1975. Selected Pleas in Manorial Courts / Ed. by F.M. Maitland. L., 1889.

источником. Я даже хотела изъять из текста моего исследования строки, характеризующие, казалось бы, не относящиеся к делу «детали». Но потом подумала о том, что и такой массовый материал как описи маноров вполне может быть живым, играть яркими красками обыденной жизни – и решила оставить все как есть.

Теперь, после того, как мы охарактеризовали наши главные источники и – на основе этой характеристики – поставили цель *выполнить сравнительно-статистическое исследование регионального характера (по Юго-Западу и Северо-Западу Англии XVI – первой трети XVII вв.), дополнив его характеристикой английского манора как социально-экономического и правового феномена с тем, чтобы выявить конкретные особенности и специфические черты процесса экспроприации крестьянства в указанных регионах, отличающие их от классического протекания генезиса капитализма в центральных и восточных частях страны,* обозначим те конкретные исследовательские задачи (позиции), согласно которым мы будем проводить нашу работу.

Они таковы:

1. манориальная и держательская структура (соотношение юридических типов держаний);
2. соотношение между сословной принадлежностью держателей и юридическим статусом держателей;
3. преобладающая форма крестьянского держания и его средний размер; феномен «последнего вилланства», его отличия от держания по обычаю;
4. дифференциация держателей по земельной площади; степень их материальной и правовой «обеспеченности»;
5. соотношение сумм рентных платежей с площадью держаний различных юридических статусов;

6. соотношение сумм рент и дохода с единицы держания различных юридических статусов;
7. соотношение сумм арендных платежей и сумм платежей традиционных держателей (а также держателей на общем праве);
8. сословная и экономическая характеристика аренды;
9. роль огораживаний и файнов за допуск к держанию в процессе экспроприации крестьянства;
10. проблема свободного держания; фригольд «благородный», «городской» и крестьянский; региональная специфика эволюции фригольда, «иллюзорная» и реальная его дифференциация; проблема доходности свободного держания; корреляция доходов и рент с фригольда;
11. сроки традиционных держаний и сроки различных форм аренды;
12. роль обычая в жизни английского крестьянства; манориальная курия и администрация как атрибуты манора;
13. преступление и наказание в английском маноре;
14. городской характер английского манора раннего Нового времени;
15. имущественные права женщин в маноре согласно обычному праву.

Надо добавить, что, помимо основных источников я использовала еще и другие – более всего источники правового характера. Это, во-первых, уже упоминавшиеся протоколы манориальных курий (manorial court rolls), характеризующие внутреннюю жизнь ряда маноров владельческого комплекса

Тоттенхем в восточной Англии²⁷. Это и свод манориальных обычаев (а также обычаев малых городов средневековой Англии), к исследованию которого я прибегала на предмет изучения имущественных прав женщин.²⁸ Это также объемный свод-список «Викарии Рочдейла»²⁹, материал которого использовался для расширения сведений о держаниях клириков на фригольде маноров северо-западной Англии.

В работе использованы также наиболее важные разделы трактатов известных английских писателей и юристов XV–XVIII вв. Т. Литтлтона («Держания»³⁰), Д. Нордена («Диалог землемера»³¹), Э. Кока («Комментарии на Литтлтона»³²), Т. Вильсона («Государство Англия в 1600 г.»³³), В. Блэкстона («Комментарии на английские законы»³⁴), которые были, в частности, необходимы для уяснения общей стратификации английского общества, для характеристики теории копигольда, а также для выявления правовой специфики положения английского крестьянства периода раннего Нового времени. Я не характеризую подробно здесь эти источники потому, что в свое время блестящий анализ большей их части уже был дан в исследованиях А.Н. Савина и В.М. Лавровского.³⁵

---

²⁷ Court Rolls of the Manor of Bruces, Dawbeneys, Pembrokes: 1377 – 1399 // Manor of Tottenham Series. Tottenham, 1961.

²⁸ Borough Customs. Seldon Society. Ed. by M. Bateson. L., 1904-1906. In 2 vol-s.

²⁹ The Vicars of Rochdale, ed. by H. Howorth. Part I. Printed for the Chetham Society. Manchester, 1883.

³⁰ Littleton T. Tenures. L., 1581.

³¹ Norden J. The Surveyor's Dialogue. London, 1618.

³² Coke Ed. The First Part of the Institutes of the Laws of England or a Commentarie upon Littleton. L., 1628. Book 1, Ch.9, Section 73.

³³ Wilson T. The State of England. A.D. 1600 // Camden miscellany. 3-d ser., L., 1936.

³⁴ Blackstone W. Commentaries on English Laws. L., 1765-1769.

³⁵ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. М., 1966.

рИ, наконец, для написания раздела, посвященного деятельности администрации английского манора, в научный оборот был введен известный, но не используемый ранее в нашей историографии трактат Флеты (анонимного комментатора Генри Брактона) «Об обязанностях в маноре»³⁶.

Часть 3. О чем пишут историки: некоторые аспекты историографии аграрной истории Англии XVI – первой трети XVII вв.

Мы уже говорили о том, что проблемы аграрной истории Англии XVI – первой половины XVII вв. весьма плодотворно разрабатывались в отечественной историографии.³⁷

---

³⁶ Fleta. Of the Offices (in the Manor) // Fleta. Vol. 2: Book 1, Book 2. Ed. and tr. by H.G. Richardson, G.O. Sayles. L., 1955.

³⁷ Так, в частности, исследователи аграрных отношений в Англии XVI-XVII вв. советского времени основывались на лучших традициях историков «русской школы», начиная с П.Г. Виноградова, но в особенности на трудах А.Н. Савина и М.М. Ковалевского по указанному периоду: Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; Он же. Английская секуляризация. М., 1906; Он же. История двух маноров // ЖМНП. 1916, №4; Он же. История одного восточного манора // Сб. статей в честь М.К. Любавского, Пг., 1917 и др. (См.: Винокурова М.В. Александр Николаевич Савин: к 125-летию со дня рождения // Средние века. М., 2000. № 61); Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т.2; Он же. Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. 1891. Т.3 и др. Пусть читателя не удивляет то обстоятельство, что в этой работе не присутствует подробной характеристики исследований представителей «русской школы». Во-первых, мой обзор ограничен рассмотрением трудов, имеющих отношение лишь к аграрной истории Англии XVI-первой половины XVII вв., во-вторых, характеристика научного творчества этих ученых в общем виде уже содержится в других исследованиях. См., например: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX века – начала 900-х годов. Томск, 1969; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985; Глебов А.Г. Проблемы истории английского средневекового крестьянства в творчестве П.Г. Виноградова. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990; Моисеев Л.С. Методологические основы исторических взглядов П.Г. Виноградова.

Общепризнанный вклад в изучение этих проблем, наряду с А.Н. Савиным и М.М. Ковалевским, внесли преимущественно историки советского периода: В.Ф. Семенов, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский, М.А. Барг.

Так, В.Ф. Семенову принадлежит заслуга в решении вопроса о предпосылках, ходе и социальных последствиях ранних огораживаний.³⁸ Хотя при решении указанной проблемы исследователь не опирался непосредственно на материалы первоисточников (имеются в виду данные комиссий по огораживанию 1517-1518 гг., а также их сокращенный вариант, так называемая Ленсдаунская рукопись), а использовал обработку этих материалов, осуществленную английским историком И. Лидемом и американским историком Э. Гэем, тем не менее даже рассмотрение результатов подсчетов последних привело В.Ф. Семенова к ряду важных и интересных наблюдений. Они относятся к районированию огораживаний по графствам, к их типу (с эвикцией держателей или без нее), к цели огораживаний (конверсия пашни в пастбище или переход к интенсивному земледелию), к выяснению вопроса о социальной и юридической природе эвиктируемых крестьян.³⁹ В. Ф. Семенов раскрыл также внутреннюю связь между процессом огораживаний общинных полей и крестьянскими восстаниями первой половины XVI века, которые являлись выражением

Симферополь, 1990; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы», Казань, 2000; Антощенко А.В. Павел Гаврилович Виноградов // Историки России. Биографии. М., 2001 и др.

³⁸ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М., 1949.

³⁹ См. также: Попов-Ленский И.Л. К вопросу об огораживаниях общинных земель в Англии XVII в. // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. 1929. Т.3. Щеголев П.П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. Изд. ГАИМК. 1934.

социального протеста против вторжения в английскую деревню раннекапиталистических порядков.

Однако в настоящее время проблема ранних тюдоровских огораживаний все еще остается в отечественной историографии обширным полем для дальнейшего исследования. Так, почти нераскрытой страницей аграрной истории Англии остаются огораживания конца XVI – начала XVII в. До сих пор науке известно не так уж много о специфике этих огораживаний. Чем был вызван подъем их новой волны? Каковы конкретные количественные и территориальные характеристики этого процесса? Какой тип огораживаний преобладал в то время? Все эти вопросы, как и многие другие, нуждаются в самом тщательном изучении, поскольку без этого не может быть раскрыт движущий мотив крестьянских восстаний в Англии упомянутого периода.

Важнейшее значение имеет и продолжение изучения аграрной политики Тюдоров. Следовало бы систематически проследить все конкретные изменения тюдоровской политики и изучить причины, которыми эти изменения обуславливались. Так называемая тюдоровская защита крестьянства оценивалась в отечественной историографии хотя и правильно, но несколько односторонне – чуть ли не как проявления «лицемерия» двора и придворной клики, стремившихся с помощью «защитительных» актов свести до минимума возможность народных выступлений. Между тем сама система абсолютизма включала элементы отстаивания нерушимости феодальных порядков в деревне (которые были испытаны векам и худо-бедно могли обеспечить простое воспроизводство крестьянского хозяйства) наряду с уступками требованиям зарождавшегося класса капиталистических предпринимателей.

Наконец, вырисовывается реальная, хотя практически и неизученная связь между аграрным законодательством Тюдоров и динамикой самого движения огораживаний, что не может не свидетельствовать о важном историческом значении этого законодательства.

Другой историк, С.И. Архангельский, исследовал никем до него не разрабатывавшуюся проблему земельных сдвигов периода революции в Англии середины XVII в., подойдя к ее решению через изучение революционного аграрного законодательства – ведь именно аграрная проблема традиционно являлась для отечественных историков советского периода основной «аналитической призмой» при рассмотрении событий «Великого мятежа».⁴⁰ Считалось, и не безосновательно, что одним из важнейших в ранних буржуазных революциях являлся вопрос о земле. Таковы были особенности исторического развития стран Европы периода феодализма: прерогативы верховной власти любого типа напрямую были связаны с фактом обладания представителями этой власти земельной собственностью. Победа в Англии середины XVII в. земельной собственности буржуазного типа над собственностью феодальной была поэтому важным этапом в процессе роста монополии крупных лендлордов, она явилась основой крупнейших сдвигов в социальной и политической структуре Англии последующих столетий. Кстати, выводы С.И. Архангельского, касающиеся распределения секвестрованного парламентом Англии земельного фонда преимущественно в пользу буржуазии, несколько пересмотрела и уточнила в своих работах известная английская исследовательница Джоан Терск. Она, основываясь на изучении Close Rolls of Chancery,

которые были недоступны С.И. Архангельскому, пришла к выводу о том, что одной из важнейших групп покупателей секвестрованных роялистских земель были сами роялисты, которые при оформлении сделок действовали через подставных лиц из лагеря индипендентов.⁴¹ По-видимому, нам следует признать, что эти интересные данные характеризуют процесс, который мог частично задерживать развитие крупного поместья капиталистического типа. Однако в какой степени - предстоит выяснить в будущем на материале первоисточников.

Крупный отечественный ученый М.А. Барг впервые в нашей историографии поставил проблему о наличии в Английской революции двух программ – буржуазно-дворянской и крестьянско-плебейской, увидев в этой проблеме стержень социальной и политической борьбы в ходе событий середины XVII в. В этой связи исследование им односторонней отмены феодальных повинностей пролило свет на *незавершенный* характер буржуазного аграрного переворота, который именно в силу своей незавершенности создал юридические условия для полного и окончательного вытеснения крестьянства из сельскохозяйственного производства страны.⁴² Перед исследователями аграрной истории ныне стоит поэтому задача на материале источников показать формирование «материальной основы» указанных программ за счет введения в научный оборот итогов изучения поместных комплексов различных регионов Англии, свидетельствующих о процессе реальной

---

⁴⁰ Архангельский С.И. Аграрное законодательство Великой английской революции, 1643-48 гг. М., 1935; Он же. Аграрное законодательство Английской революции, 1649-1660 гг. М., 1940.

⁴¹ Thirsk J. The Sale of Royalist Land during the Interregnum // ECHR. 1952. vol. 5. №2.

⁴² Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции середины XVII века. М., 1967.

узурпации владельческих прав английского крестьянства представителями «блока» буржуазии и нового дворянства; процессе, как раз и создававшем условия для односторонней отмены феодальных повинностей в ходе революции.

Большая заслуга в разработке вопросов социально-экономической истории Англии XVI-XVIII вв. принадлежит также В.М. Лавровскому – одному из блестящих представителей аграрно-исторической школы советского периода.⁴³

Для интересующего нас времени В.М. Лавровским исследованы преимущественно два важнейших аспекта аграрной истории: социально-экономическая дифференциация держателей и динамика выплачиваемых рент с определенной единицы держания на материале трех королевских маноров Линкольншира и Гетингдоншира,⁴⁴ который в свое время был собран А.Н. Савиным. Для освещения указанных вопросов историк как раз и использовал основные по своему значению документы аграрной истории – манориальные описи и рентали. Однако познавательные возможности такого рода источников подчас бывают ограничены некоторой односторонностью содержащегося в них материала. В силу данного обстоятельства многие важные разделы истории манора (такие, как юридическая структура крестьянского держания, степень подвижности держателей на земле, сроки крестьянских

---

⁴³ Принимая во внимание то обстоятельство, что наш историографический раздел ограничен обзором тех исследований, предмет которых в хронологическом отношении не выходит за рамки событий середины XVII в., отметим, что мы не имеем возможности охарактеризовать здесь работы В.М. Лавровского, относящиеся к XVIII – началу XIX в. и посвященные разработке проблемы парламентских огораживаний в Англии и процессу роста крупного капиталистического поместья. См. об этом: Винокурова М.В. К 100-летию В.М. Лавровского // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 188-202.

⁴⁴ Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII в. М., 1957; Он же. Исследование по аграрной истории Англии XVII – XIX вв. М., 1966.

держаний, эволюция обычного права и некоторые другие) могут остаться вне поля зрения исследователя. Так, знакомство с материалами, которыми пользовался В.М. Лавровский, убеждают в том, что он работал именно с такими источниками. Зато, повторю, они дают исчерпывающую картину эволюции рентных отношений и дифференциации держательского состава, то есть позволяют глубоко исследовать, пожалуй, важнейшие проблемы манориальной истории.

Большой заслугой В.М. Лавровского является изучение им юридической теории копигольда. В своем анализе крестьянского держания по копии исследователь шел в хронологической последовательности от изучения «Держаний» английского юриста XV в. Т. Литтлтона к «Комментарию на Литтлтона», принадлежащего перу знаменитого юриста конца XVI - начала XVII вв. Э. Кока,⁴⁵ выявляя панегирический характер отношения знатоков общего права к процессу концентрации обычного держания в руках нового дворянства, на этом основании приветствовавших частичную рецепцию манориального обычая королевскими судами и тем самым искажавших действительную историю копигольда.

Анализ правовой истории копигольда не был чем-то случайным в научном творчестве В.М. Лавровского, поскольку наиболее важным для изучения аграрной истории он считал не просто систематизацию юридических понятий, содержащихся в трактатах ученых юристов, а использование названных трактатов в качестве редких по значению и смыслу исторических источников, своеобразного зеркала, отражавшего реальные поземельные отношения. Несомненно, что такой подход сохраняет свое значение

и до сего дня. Только на основе указанного подхода, на основе глубокого изучения английского земельного права (одного из сложнейших в средневековой Европе) те, кто занимается историей английского манора сегодня, и те, кто придет в эту область в дальнейшем, смогут основательно, с исследовательских позиций, ответить на вопрос о том, в чем состояла причина отмеченного В.М. Лавровским противоречия между реальной жизнью английского крестьянства в эпоху аграрной революции и ее неадекватным отражением в трудах английских правоведов (особенно в правовой теории В. Блэкстона), вопреки очевидности подчеркивавших линию укрепления владельческих прав обычных держателей.

История народных движений и социально-политические взгляды английского крестьянства являлись в отечественной историографии предметом исследования Ю.М. Сапрыкина.⁴⁶

В работах В.В. Штокмар, посвященных экономической политике английского абсолютизма, анализируются законы против огораживаний периода правления Елизаветы Тюдор и некоторые другие важные проблемы социальной истории Англии.⁴⁷

Аграрной политике Тюдоров и Стюартов посвящены исследования ученика В.В. Штокмар В.П. Митрофанова.⁴⁸

И. Нарзикулов на материале четырех маноров графства Беркшир вскрыл существо социально-экономических сдвигов, имевших место в предреволюционной английской деревне.⁴⁹

---

⁴⁵ См.: Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII – XIX вв. С.71-121. Здесь же В.М. Лавровский занимался и изучением «Комментариев на английские законы» юриста XVIII в. В. Блэкстона.

⁴⁶ Сапрыкин Ю.М. Народные движения в Англии и Ирландии в XVI в. М., 1963; Он же. Социально-политические взгляды английского крестьянства XVI – XVII вв. М., 1972.

⁴⁷ См., например: Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. М., 1962.

Наконец, мое исследование по аграрной истории юго-западной части Англии, основанное, как уже указывалось, на изучении части маноров внушительного земельного комплекса графов Пемброков в Уилтшире,⁵⁰ и тематически связанное с последующей серией публикаций, как кажется, завершает эту картину.

Картина, впрочем, совсем неутешительная в том смысле, что в связи с естественным уходом из жизни в течение последних десятилетий наших ведущих медиевистов-аграрников, исследователей, работающих в области аграрной истории, почти совсем не осталось – между тем, как уже указывалось, объем научных задач, стоящих перед отечественной историографией, все возрастает. И это делает более чем актуальной задачу подготовки новых специалистов в этой области.

Аграрный вопрос кануна революции середины XVII в. в Англии является также предметом исследования целого ряда зарубежных, и, в частности, английских историков.⁵¹

Однако особенностью исследований английских историков в указанной области является то обстоятельство, что они не связывают изучение аграрной истории Англии эпохи раннего Нового времени ни с вызреванием предпосылок революции

---

⁴⁸ Митрофанов В.П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (II половина XVI – нач. XVII в.) Л., 1982.

⁴⁹ Нарзикулов И. Английский манор XVI – XVII вв. в трудах А.Н. Савина и современное состояние проблемы. Киев, 1987.

⁵⁰ Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (на материалах графства Уилтшир). М., 1992 и др.

⁵¹ Считаю своей задачей дать здесь историографический обзор лишь относительно новых исследований в области аграрной истории. Что касается плодотворной историографической традиции, существующей в этой области в среде английских медиевистов-аграрников, то она нашла свое отражение в книге Е.В. Гутновой «Историография истории средних веков» (М., 1985. гл. 5 и 10).

середины XVII в., ни с ее ходом и результатами. Несмотря на прекрасную разработку в современной английской историографии многих важных сюжетов социально-экономической и, в частности, аграрной истории, качество которой определяется не в последнюю очередь возможностью доступа к уникальным архивным материалам (в том числе и к частным поместным коллекциям), в исследованиях ряда авторов, с моей точки зрения, и по сей день наблюдается некоторая *фрагментарность* при определении сюжетов для изучения аграрной истории XVI-XVII вв., объясняющаяся прежде всего тем, что они по-прежнему недооценивают проблему копигольда и освещение его судеб в ходе революции.

Попробуем показать эту особенность западной историографии на основе анализа некоторых исследований ее представителей по отдельным проблемам социально-экономической истории Англии указанного периода.

Выделим в их ряду прежде всего проблему генезиса капитализма в Англии, поскольку именно в этом процессе и заключалась социально-экономическая основа неизбежности в этой стране революции середины XVII в. Однако складывается впечатление, что зарубежные исследователи не связывают напрямую социальные революции с предшествующими им изменениями в сфере экономики, отождествляя подчас внутри- и межформационные переходы. Примером такого подхода может служить, например, характерная для зарубежной историографии концепция «кризиса феодализма в XIV-XV вв.», с одной стороны,

еще в 50-е – 60-е годы явившаяся толчком для острой дискуссии⁵² в среде историков, с другой – породившая впоследствии «новейшие интерпретации» «кризисных» явлений в процессе перехода от феодализма к капитализму.⁵³ Как известно, процесс трансформации феодализма в его высшую стадию, связанный с переходом к денежной ренте, сторонники указанных концепций (американский историк П. Свизи, японский историк Такахаси, английский историк М. Добб и некоторые другие) отождествляли с межформационным переходом от феодализма к капитализму.

В этой связи уместно также обратить внимание на попытки английских историков по-новому интерпретировать известную теорию «ранней промышленной революции в Англии», появившуюся еще в первой четверти XX в. и наиболее отчетливо выраженную в трудах Э. Липсона, Д. Ануина⁵⁴ и др. Эта концепция, как известно, в свое время стимулировала критическое отношение к традиционно сложившейся в английской историографии вигской схеме рассмотрения событий революции середины XVII в. без учета влияния на их ход и итоги факторов экономического порядка.⁵⁵ 20-е

---

⁵² Итоги этой дискуссии, принявшей международный характер, были подведены, в частности, в книге М.А. Барга «Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики». М., 1973. С.175-216.

⁵³ Речь идет прежде всего о новой волне дискуссии, поднявшейся в 1976-1982 гг.; ее материалы были изданы отдельным сборником: *The Brenner Debate. Agrarian Class Structure and Economic Development in pre-industrial Europe* // Cambridge, 1985 ; Барг М.А., Авдеева К.Д. Еще раз о переходе от феодализма к капитализму (по поводу одной международной дискуссии на страницах журнала «Past and Present») // *Экономическая история. Проблемы и исследования*. М., 1987. С. 89-114.

⁵⁴ Lipson E. *The Economic History of England*. L., 1915; Unwin G. *Studies in Economic History*. L., 1927.

⁵⁵ Усилению кризиса пресловутой вигской концепции в английской историографии предвоенного и послевоенного времени способствовали труды прогрессивных историков, уделивших значительное внимание изучению экономического развития предреволюционной Англии: James M. *Social Problems and Policy during the Puritan Revolution. 1640-60*. L., 1930; Hill Chr. *The English Revolution*. L., 1640; Dobb M. *Studies in the Development of Capitalism*. L.,

– 40-е годы XX в. явились периодом острой критики и кризиса традиционной вигской концепции революции и постепенного формирования социально-экономического направления в ее изучении.

Что касается «наработок» в этой области английских исследователей 60-х – 80-х гг., то они, значительно расширяя рамки «аграрно-промышленной» революции в Англии, с одной стороны, как будто бы правомерно рассматривают период XVI-XVII вв. в качестве времени вызревания предпосылок для решительной ломки традиционного аграрного устройства этой страны в дальнейшем, и в особенности – в XVIII в. С другой стороны, такие известные исследователи как Э. Керридж, Э. Джонс, Дж. Мингей, Д. Колеман, Ф. Фишер⁵⁶ и некоторые другие рассматривают аграрную революцию преимущественно как переворот в области сельскохозяйственной техники, как сдвиги лишь в области производительных сил земледелия, почти игнорируя ее социальные аспекты. Иными словами, английская историография 60-80 гг. XX в. уделяет основное внимание рассмотрению механизмов аграрного роста, подчас отрывая это рассмотрение от анализа социальной структуры общества.

Не менее важной, как представляется, является проблема внутренней трансформации феодальных классов в период генезиса капитализма в Англии, в том числе и сдвиги в структуре

1946; Campbell M. *The English Yeoman under Elizabeth and Early Stuarts*. New Heaven, 1942, etc.

⁵⁶ Mingay G.E. *English Landed Society in the XVIII century*. L., 1963; Idem. *Enclosure and the Small Farmer in the Age of Agricultural Revolution*. L., 1968; Idem. *The Agricultural Revolution*. L., 1977; Jones E. *Agricultural and Economic Growth in England (1650-1815)*. L., 1967; Kerridge E. *The Agricultural Revolution*. L., 1967; Coleman D.C. *The Economy of England, 1450-1750*. Oxford, 1977; Idem. *History and the Economic Past: an Account of the Rise and Decline of Economic History in Britain*. Oxford, 1987; Fisher F.J. *London and the English Economy, 1500-1700*. L., 1990.

английского дворянства. XV-XVII вв., как известно, углубили его раскол на два противоположных по своей социально-экономической природе слоя: старое, сохранявшее в своих владениях в качестве господствующих феодальные порядки и новое (джентри), которое, оставаясь в рамках прежнего сословного статуса, изменило свою классовую сущность, приблизившись к буржуазии – в практической деятельности и образе жизни нового дворянина в значительной степени выразался ход развития капитализма в аграрной сфере.

Разработка в современной английской историографии более адекватного по сравнению с либерально-викторианским представления о дворянстве связано, как хорошо известно, с именем Р.Г. Тоуни, ученого, который избрал предметом своего исследования социально-экономическую и юридическую историю английского манора⁵⁷ и дал исторической науке Великобритании плеяду таких известных историков, какими являются его ученики Дж. Терск, Э. Керридж, В. Госкинс, Г. Финберг и другие.

Как хорошо известно, еще в начале 40-х гг. XX столетия в своей статье «Возвышение джентри»⁵⁸ Р.Г.Тоуни на основе проделанных им статистических подсчетов выразил существо земельных сдвигов XVI-XVII вв. В статье не только обобщались результаты исследований, проделанных ее автором в указанной области, но и формулировалась так называемая «новая ортодоксия». Она не только явилась свидетельством поворота английской историографии того времени от традиционной религиозно-политической трактовки революции XVII в. к осмыслению ее событий как результата социально-экономических сдвигов в английской предреволюционной действительности, но и, поставив

---

⁵⁷ Tawney R.H. Agrarian Problem in the XVI century. L., 1912.

проблему джентри в центр большинства локально-региональных исследований последующего времени, отразила стремление современных исследователей к комплексному анализу английского провинциального общества.

Согласно подсчетам и выводам Р.Г.Тоуни, «баланс земельной собственности» сложился перед революцией в пользу нового дворянства, стремившегося, в соответствии с требованиями времени, с помощью новейших методов хозяйствования модернизировать управление поместьями, сделать их более рентабельными. Раскрывая процесс «земля-рынок» и прослеживая противоположное движение деловых людей города от торговли к земле, Р.Г. Тоуни сделал свой известный и ставший уже к настоящему времени классическим вывод: «Землевладелец, живущий на доходах и ренте с коммерческого фермерства, и купец либо банкир, который также являлся землевладельцем, представляли собой не два класса, а один. С точки зрения источника дохода оба они были в равной степени буржуа».⁵⁹

Статья Р.Г. Тоуни, вызвав бурную полемику, положила начало многолетней дискуссии вокруг проблемы джентри и побудила исследователей к более детальному изучению вопроса.⁶⁰

---

⁵⁸ Tawney R.H. The Rise of the Gentry. 1558-1640 // ECHR. 2-d ser. vol. XI. 1941. P.45-83.

⁵⁹ Op.cit.

⁶⁰ Заслуживает внимания попытка Лоренса Стоуна дополнить экономический анализ Тоуни социально-психологическим портретом как английского джентри, так и елизаветинской аристократии. См.: Stone L. The Anatomy of Elizabethan Aristocracy // ECHR. 1948. Vol. XVIII, № 1-2; Idem. The Elizabethan Aristocracy // A Restatement. ECHR 1952. Vol. IV. № 3. Что касается дискуссии по поводу проблемы джентри, то уже и сама эта дискуссия успела стать предметом многочисленных исследований. (См. например: Шарифжанов И.И. Современная английская историография буржуазной революции XVII века: основные идейно-методологические тенденции и направления. М., 1982). Это, однако, не исключает необходимости обратиться к ее ходу и итогам в данной работе по аграрной истории.

Оппозиционная точка зрения на указанную проблему была выдвинута оксфордским профессором Г. Тревор-Роупером, (обозначив этап резкой активизации в английской историографии консервативного направления), объявившим отмеченный Р.Г.Тоуни «рост джентри» (то есть усиление экономического могущества этого слоя) его «оптической иллюзией» и пытавшимся, вопреки очевидности, доказать, что джентри было отсталым классом, поднявшим «слепой мятеж» против дома Стюартов.⁶¹ Тревор-Роупер, очевидно, исходил из предположения о наличии зависимости между степенью участия определенных слоев общества в «административно-бюрократическом механизме управленческой иерархии» и степенью «манориального благоденствия». Поэтому-то центральный конфликт эпохи интерпретируется им как борьба простого джентри (country gentry) против служилого (court gentry), то есть, по сути, как борьба богатых и бедных внутри одного и того же сословия. Искусственно сконструированный антагонизм манора, клонившегося, по мнению этого историка, к экономическому упадку, и места при дворе как основного источника богатства того времени, представлял, согласно его концепции, основу для мятежа провинциального дворянства против дома Стюартов, предоставлявшего условия для дальнейшего процветания «служилому» джентри. Вот этот-то конфликт и был объявлен Тревор-Роупером стержнем ситуации середины XVII в.⁶²

---

⁶¹ Trevor-Roper H.R. The Gentry. 1540-1640 // The ECHR Supplement. L., 1953.

⁶² Памфлет Тревор-Роупера вызвал резкий публичный протест со стороны Р.Г.Тоуни. См.: Tawney R.H. The Rise of the Gentry; A Postscript // ECHR. August. 1954. Vol. VII. №1.

Позиции Тревор-Роупера на время несколько укрепились после опубликования статьи Д. Купера «Подсчет маноров»⁶³, вскрывавшей ряд недостатков в манориальной статистике Тоуни-Стоуна, но в действительности являвшейся недостаточно фундированной для пересмотра концепции «роста джентри», а также после опубликования нового памфлета оксфордского историка под названием «Социальные причины Великого Мятежа».⁶⁴

Точка зрения Тревор-Роупера не получила, однако, поддержки в региональных исследованиях английских историков, посвященных эволюции аграрного строя Англии XVI – начала XVII вв., убедительно показавших рост капиталистических элементов и увеличение экономического значения джентри в указанный период.⁶⁵ В дискуссию по поводу джентри включились также американские историки Д. Хекстер, П. Загорин⁶⁶ и некоторые другие, направившие свои критические замечания в основном против искажения Тревор-Роупером вопроса о роли провинциального джентри в событиях революции середины XVII в.

---

⁶³ Cooper J.D. The Counting of Manors // ECHR. 1956. Vol. VIII. №3. См. также: Branton D., Pennington D. Members of the Long Parliament. Cambridge, 1954.

⁶⁴ Trevor-Roper H.R. The Social Origins of the Great Rebellion // History Today. 1955. June.

⁶⁵ См., например: Hoskins W.G. The Midland Peasant. The Economic and Social History of a Leicestershire Village. London. New York. 1957; Hoskins W.G., Finberg H.R. Devonshire Studies. L., 1952; Hoskins W.G. Provincial England. New York, 1963; Finberg H.R. Gloucestershire Studies. Leicester, 1957; Thirsk J. English Peasant Farming. The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor to Recent Times. L., 1957; Finch M.E. The Wealth of the Northamptonshire Families. 1540-1640. Lampport, 1956; Simpson. The Wealth of the Gentry. 1540-1640. Chicago, 1961; Spufford M. A Cambridgeshire Community: Chippenham from settlement to enclosure. Leicester, 1965; Lloyd H.A. The Gentry of South-West Wales. Cardiff, 1968; Blackwood B.G. The Lancashire Gentry and the Great Rebellion. Manchester, 1978; Wrightson K.E. English Society, 1580-1680. L., 1982. См. также: Hoskins W. Local History in England. London, New York, 1984.

⁶⁶ Hexter J.H. Storm over the Gentry. The Tawney-Trevor-Roper Controversy // Encounter. 1958. May, Vol. X. №5. Zagorin P. The Social Interpretation of the English Revolution // The Journal of Economic History. 1959. Vol. XIX. № 3.

В целом дискуссия по поводу джентри в значительной мере стимулировала развитие локально-исторических исследований. И если эти исследования вначале были сосредоточены в основном лишь на проверке (на конкретном материале отдельных маноров, групп маноров или графств) тезисов о «возвышении» или «упадке» нового дворянства, то в дальнейшем в английской историографии возникло стремление к *комплексному анализу* английского провинциального общества, выраженное, в частности, в концепции «локальной автономии» А. Эверитта, появившейся в 60-е годы XX столетия.⁶⁷ В результате исследования социальной структуры ряда графств Англии, и в особенности «провинциального общества» Кента, состоявшего, как и в других регионах страны, почти исключительно из представителей «местного» нового дворянства, А. Эверитт пришел к выводу о значительной автономности этих обществ, основанной прежде всего, по его мнению, на обладании собственной, автономной, иерархической структурой, опережающей подчас в своей динамике развитие общенациональных структур.⁶⁸

Концепция «локальной автономии» в 70-е годы была развита в трудах последователей А. Эверитта, таких как Р. Хауэл, А. Рутс, А. Джонсон, А. Хассел-Смит, Р. Дор и др. - на источниках, относящихся к различным графствам и городам Англии.⁶⁹ Одним из важнейших выводов, содержащихся в этих работах, можно считать

---

⁶⁷ Everitt A. The Community of Kent and the Great Rebellion, 1600-1660. Leicester, 1966; Idem. The Local Community and the Great Rebellion. L., 1969.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С.87 и далее.

⁶⁹ Roots I. The General Government and the Local Community // The English Revolution, 1600-1660. L., 1968; Hassell-Smith A. Country and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558-1603. Oxford, 1974; Howell R. Newcastle-upon-Tyne and the Puritan Revolution: a Study of the Civil War in North England. Oxford, 1967; Dore R.N. The Civil War in Cheshire. Chester, 1966; Morrill J.S. The Revolt of the Provinces. 1976, 2-d edn. 1998. Holmes C. Seventeenth Century Lincolnshire. L., 1980; Wrightson K.E., Levine D. Poverty and Piety in an English Village. L., 1979.

вывод о нежелании большей части местного джентри быть вовлеченными в политический конфликт национального масштаба, разгоревшийся в стране в середине XVII в. – очевидно, входит в состав местной замкнутой элиты и соблюдать ее интересы, связанные прежде всего со спецификой социально-экономического развития локальных центров Англии, было несравненно более безопасно, а главное – более выгодно по сравнению с незавидной перспективой быть втянутыми в перипетии гражданских войн и парламентских конфликтов. Темпы формирования национального самосознания в среде провинциального нового дворянства явно уступали темпам развития самосознания «локального уровня», основанного, возможно, не в последнюю очередь на стремлении путем воздержания от участия в масштабных политических и военных конфликтах сберечь свои доходы.

Однако концепция «локальной автономии» подверглась некоторым коррективам в исследовании П. Кларка,⁷⁰ написанном в середине 70-х гг. с целью внести определенные коррективы в работу А. Эверитта и посвященном развитию английского провинциального общества на протяжении полутора столетий: от Реформации до Революции. П. Кларк различает в Кенте по крайней мере два слоя нового дворянства: *простое* (провинциальное), в низших слоях смыкавшееся по экономическому положению с преуспевавшими йоменами и обладавшее достаточной хозяйственной сметкой для обеспечения процветания своих поместий (до 85% семей джентльменов) и *среднее* джентри, игравшее значительную роль в административной системе графства и имевшее связи при дворе. Таким образом, П. Кларк придает

---

⁷⁰ Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent. 1500-1640. Hassocks, 1977.

большее, чем А. Эверитт, значение наличию достаточно тесных, по его мнению, контактов провинциального джентри Кента с функционерами Парламента на местах и в центре – во всяком случае, он подчеркивает процесс формирования в этом графстве перед революцией и во время революции оппозиции короне на всех уровнях местного общества, включая новое дворянство – фактор, который, пожалуй, уже не укладывался в концепцию «локальной автономии», свидетельствуя о достаточно активном вкладе местного джентри в реализацию «общего, национального дела» революции, пусть и на локальном уровне.

Тезис о «провинциализме» английского джентри был существенно видоизменен и Дж. Морриллом, который внес в понимание этого феномена эпохи революции середины XVII в. в Англии существенные коррективы: он пишет, в частности, что самое наличие «провинциализма» все же не исключало интереса нового дворянства к общенациональным политическим и конституционным проблемам; напротив, он как раз и выражался в том, что «эти проблемы принимали локальный колорит и формулировались в локальных контекстах»⁷¹.

В числе исследований, посвященных истории нового дворянства, следует упомянуть очень интересный, на мой взгляд,

---

⁷¹ Morrill J.S. *The Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War, 1630-1650*. London – New York, 1976, p.14, 115; См. также Репина Л.П. Указ. соч. С. 93 – 118. Л.П. Репина дает исчерпывающий историографический обзор социальных аспектов в исследовательских интерпретациях Английской революции - от «спора о джентри» до современных научных дискуссий об истории народной культуры. Мне же приходится затрагивать лишь отдельные аспекты указанных историографических сюжетов, так или иначе связанных (нередко – весьма косвенным образом) с аграрной историей страны указанного периода.

очерк оксфордского историка Р. Грассби⁷², в котором рассматривается вопрос о влиянии процесса расширения коммерческой деятельности джентри на демографическую ситуацию в Англии XVII в. и социальную структуру этой страны в целом. Анализируя движение «земля-рынок», Р. Грассби отмечает, что в XVII в. коммерческая предприимчивость нового дворянства была не только очевидна, но, и если можно так сказать, передавалась по наследству, в результате чего в указанное время возникали целые кланы коммерчески настроенных джентри, занятых в делах Лондонского Сити, Компании купцов-авантюристов, Средиземноморской торговле.⁷³ Так, по наблюдениям автора, в наиболее престижных купеческих гильдиях Лондона XVII в. сыновья джентльменов, то есть «выходцы из села» составляли от 16 до 30%. В цеховой организации мастеров кожевенного дела, обслуживавшей в то время Компанию купцов-авантюристов, сыновья «простого джентри» составляли почти 13% общего состава, в то время как отпрыски из знатных семей (сыновья рыцарей и баронетов) – 3,1 %. Таким образом, как следует из результатов этого исследования, движение «земля-рынок» было возможно в XVII в. в результате наличия в сельской местности земельной собственности нового дворянства, с другой – самое участие целых родовых кланов джентри в торговых и коммерческих сделках способствовало развитию земельной собственности на новой, капиталистической основе.

---

⁷² Grassby R. Social Mobility and Business Enterprises in XVII-th century England // Puritans and Revolutionaries. Essays in XVII – century history, presented to Christopher Hill. Oxford, 1978. P. 354-361.

⁷³ Idem. Op. cit., P. 356. Coleman D.G. Sir John Banks, Baronet and Businessman. Oxford, 1963; Chalklin C.W. Seventeenth-century Kent. Longmans, 1956. P. 197.

Особого внимания заслуживает проблема классификации нового дворянства по уровню доходности земельных владений, поставленная в свое время в совместном исследовании В. Госкинса и Г.Финберга по Девонширу – третьему по величине графству Англии, одному из немногих, в небольшой степени подверженных иноземным влияниям, остававшимся «англосаксонским» вплоть до нового времени.

Указанная проблема и ее историко-экономический анализ является едва ли не основной из многочисленного круга вопросов истории Девоншира, рассматриваемых авторами исследования. Для очерка, посвященного истории девонширского джентри, ими были использованы описи поместий нового дворянства, сделанные по запросу Палаты по делам опеки и отчуждений (Court of Wards and Livers), а также хозяйственные отчеты роялистски настроенных джентри при наложении «композиции», которые находятся в Public Record Office.

Как показало проведенное исследование, в начале XVII в. в Девоншире насчитывалось от 360 до 400 фамилий нового дворянства. Наиболее многочисленным слоем было *мелкое* джентри, жившее в основном на западе графства и происходившее из старых рыцарских фамилий, из дворян «старой благородной крови», которые, строго говоря, не были лордами маноров, а владели дюжиной ферм в различных приходах, приобретаемых, как правило, путем выгодной женитьбы на богатой наследнице, причем вовсе не обязательно благородного происхождения. Годовой доход мелкого джентри Девоншира колебался от 50 до 100 фунтов, то есть был совсем невысоким, несмотря на то, что в его состав входила прибыль от приобретения участков аренды.

Вторую категорию девонширского нового дворянства составляло *среднее* джентри; к их числу относились деревенские сквайры, владевшие, как правило, одним или двумя манорами, расположенными по соседству – годовой доход таких сквайров колебался от 100 до 200 фунтов.

Что касается *крупного* джентри, то обеспеченность отдельных семей была поистине велика: так, участки земли от 2 до 3 тысяч акров подчас могли давать доход, достигающий 3-4 тысяч фунтов в год!

Итак, на основе подобного рода конкретных локальных исследований материального состояния нового дворянства можно получить представление о некоторых критериях для анализа этого состояния, принятых в английской историографии – складывается впечатление, что подчас ее представители предпочитают исследовать подобные проблемы не столько с учетом фактора земельной площади, находившейся в распоряжении представителей той или иной социальной группы, сколько с опорой на фактор уровня годового дохода. В исследованиях же отечественных авторов по аграрной истории последний критерий считается «вторичным», производным, то есть логическим образом вытекающим из фактора учета земельной площади. В целом же данные В. Госкинса и Г. Финберга по материальному состоянию джентри Девоншира можно считать по-особому репрезентативными, чем и объясняется мое обращение в данном контексте к исследовательской работе именно этих, а не иных авторов. Дело в том, что Девоншир входит в состав юго-западного региона Англии, для которого, как известно, всегда (включая этап генезиса капитализма) было характерным наибольшее сохранение пережитков прошлого, в том числе и феодального

прошлого, по сравнению с другими регионами Англии⁷⁴. Следовательно, данные о «росте» джентри, полученные путем изучения аграрных распорядков в указанном регионе, с наибольшей доказательностью иллюстрируют процесс усиления экономического могущества этого социального слоя в масштабах всей страны.

Наконец, в качестве примера наиболее противоречивого подхода к проблеме нового дворянства предреволюционной поры, хотелось бы упомянуть о воззрениях на эту проблему видного английского исследователя Дж. Мингея, отраженных в его исследовании под названием «Джентри. Подъем и падение правящего класса».⁷⁵ С одной стороны, видимо, следуя концепции Р.Г. Тоуни, Мингей пишет, что «историческое значение джентри не было связано с их численностью, местом в иерархии лендлордов...; большая их часть не относилась даже к представителям выдающихся людей. Значение джентри как класса вполне естественно вытекало из землевладения – основного в то время источника богатства, а следовательно, величайшего источника политической власти».⁷⁶

Справедливо указывая на то обстоятельство, что джентри не могло представлять собой гомогенную группу, автор, тем не менее, как и Тревор-Роупер, смешивая сословные и классовые грани, делит джентри предреволюционной Англии на «простое» и «служилое»: «...очень рано образовалась ведущая группа джентри, процветавшая за счет мест при дворе или за счет службы в армии. Гораздо менее заметной, образующей класс второго сорта, была группа «простого» джентри, которому недоставало богатства и связей для того, чтобы сделать блестящую политическую или военную карьеру или которое

---

⁷⁴ См. Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 72.

⁷⁵ Mingay G. E. The Gentry. The Rise and Fall of a Ruling Class. New York, 1976.

⁷⁶ Op. cit. P. 188.

предпочитало спокойную жизнь в деревне постоянным военным тревогам, а также сложностям политической борьбы»⁷⁷.

Далее, справедливо считая, что «имеется необходимость связать предполагаемые глобальные изменения в перераспределении собственности с событиями самой революции», Мингей, однако, пишет не о сближении нового дворянства и буржуазии на основе их идентичных устремлений экономического порядка, а о сближении джентри и ... аристократии: «почему позволительно считать, что ослабление позиций нобилити стало основным фактором коллапса автократии? ...отчего полагают, что именно аристократия как социальный класс была преданным защитником монархии? Можно же предположить, что «старое дворянство» разделяло страхи и неудовольствие порядком в той же мере, что и джентри, и требовало той же доли независимости!»⁷⁸

И все же, несмотря на всю противоречивость и, казалось бы, непоследовательность основных позиций Дж. Мингея, не будем нетерпимы: перед нами исследование крупного специалиста в области процесса формирования в Англии XVI-XVIII вв. поместья нового (капиталистического) типа, прекрасно знающего реалии образования системы лендлордизма, в том числе и за счет «роста джентри»!⁷⁹ Будем считать, что в выводах автора отражены тонко подмеченные им реальные противоречия в процессе классовобразования в переходную эпоху.

Итак, мы видим, что несмотря на стремление ряда английских ученых исследовать проблему возвышения джентри в XVI-XVII вв. с опорой на изучение его социально-экономического статуса,

---

⁷⁷ Op. cit. P. 39.

⁷⁸ Op. cit. P. 54.

⁷⁹ Мы уже упоминали о капитальном труде Дж. Мингея «English Landed Society in the XVIII century» (L., 1963).

практически никто из них не подходит к решению этой проблемы с учетом необходимости исследования судебных копигольда в революции – этого наиболее массового вида крестьянского держания, представители которого, в сущности, и составляли основную часть английского крестьянства. Говоря об изменении баланса земельной собственности в пользу джентри и указывая при этом на многочисленные способы его обогащения как основу для рачительного хозяйствования, почти никто из английских историков не фиксирует свое исследовательское внимание на стремлении нового дворянства к процветанию *за счет крестьянства*, не пишет о реальной, фактической узурпации владельческих прав английских крестьян, причем задолго до революции. А ведь эти способы известны, они достаточно хорошо описаны, во всяком случае, в отечественной историографии.⁸⁰ Видимо, все дело в том, что при всех попытках «новых подходов» «ортодоксия» большинства английских исследователей остается прежней: события XVI-XVII вв. объясняются не изнутри противоречий, существовавших между буржуазно-дворянским и крестьянским «лагерями» в революции; они сводятся лишь к политическим, конституционным, парламентским «потрясениям».

---

⁸⁰ Имеются в виду такие способы фактической экспроприации крестьянства, как огораживание, повышение фиксированного обычного рента и особенно вступных платежей, превращение копигольда в аренду, сокращение сроков держаний и т.д. См. Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967, гл.2; Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949; Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. М., 1966; Митрофанов В.П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – нач. XVII вв). Л., 1982; Винокурова М.В. Английское крестьянство... М., 1992.

Обратимся далее к классу крестьян и исследованию его положения в XVI-XVII вв. в трудах зарубежных (преимущественно английских) исследователей⁸¹.

Известно, что XVI-XVII вв. были временем наступления лордов маноров на владельческие права обычных держателей. Особенность положения английского крестьянства в указанный период заключалась в том, что аграрная революция обрушилась на крестьянское хозяйство в условиях очевидного преобладания воли лордов над связывавшей ее некогда силой традиции. То обстоятельство, что по причине инфляционного состояния рыночных цен конъюнктура рент в XVI – в первой половине XVII вв. сложилась в пользу лордов, а не держателей, привело к фактическому возвышению господского права на наделы крестьян; стали массовыми случаи, иллюстрировавшие превосходство воли лорда над обычаем манора. Не защищенное общим правом крестьянство Англии оказалось, с точки зрения закона, практически безоружным в борьбе за землю.

Одной из основных форм «фактической» экспроприации английского крестьянства явилось широко известное движение огораживаний, развернувшееся с конца XV в. и весьма неравномерно проходившее в различных регионах страны. Проблема огораживаний, как ранних, тюдоровских, так и санкционированных парламентом в XVIII веке, являясь в целом традиционной в исследовательской традиции, в последние десятилетия вновь привлекла внимание английских ученых. Создается впечатление, что зарубежные исследователи, как и

---

⁸¹ Одним из классических трудов «общего характера» по указанной проблематике в английской историографии и по сей день является исследование профессора Родни Хилтона из Бирмингемского университета: Hilton R.H. *The English Peasantry in the later Middle Ages*. Oxford, 1975.

прежде⁸², стремятся доказать незначительность тех изменений, которые были привнесены в английскую деревню в результате ранних огораживаний⁸³. С формальной точки зрения подсчет площади огороженных земель (2-3% в масштабе всей Англии) как будто подтверждает эти построения. На самом же деле за этим «общеанглийским» процентом скрывались весьма разрушительные для крестьянского хозяйства последствия процесса огораживаний.

В целом основа концепции английских историков по отношению к процессу огораживаний сводится примерно к следующему: огораживания в период Тюдоров и первых Стюартов проводились прежде всего с целью изыскания наиболее эффективных способов использования земли, особенно в периоды экономических кризисов; они проводились безболезненно для крестьян, «в одной и той же форме на протяжении XVI-XVIII вв.»⁸⁴. В качестве аргумента для подтверждения тезиса о «безболезненном» для крестьян характере огораживаний применяется, как и прежде, метод подсчета числа держателей, причем подчеркивается почти неизменное число

---

⁸² Напомню, что первая попытка показать причины и результаты огораживаний была сделана Эрвином Нассе в 1870 г. в работе «К вопросу о сельской общине периода средневековья и огораживания XVI в. в Англии». Его концепция о процессе истощения земель как основной причине огораживаний с некоторыми изменениями была принята В. Каннингхэмом (*The Growth of English Industry and Commerce*. L., 1882) и профессором В.Эшли (*An Introduction to English Economic History and Theory*. L., 1883). Дискуссия приняла вполне целенаправленный характер с опубликованием отчетов Комиссии Вулси 1517 г. и Комиссии 1607 г. (См.: Leadem I.S. *The Inquisition of 1517*.// *TrRHS*. 2-d ser. Vol.6. 1892; vol.7. 1893; vol. 8. 1894; Gay I.F. *The Inquisitions of Depopulation in 1517 and the "Domesday of Enclosure in England in the XVI century"* // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. XVII, 1903, etc.) Указанная проблема продолжала разрабатываться и в середине XX столетия: Bereford M.W. *The Lost Villages in England*. L., 1954; Parker L. A. *Enclosure in Leicestershire, 1485-1607*. L., 1948; Thirsk J. *Tudor Enclosure*. L., 1959, Bradley H. *The Enclosures in England. An Economic Reconstruction*. New York, 1968. etc.

⁸³ *The Agrarian History of England and Wales. 1500-1640* // Ed. by J.Thirsk. Cambridge, 1967. P. 200-240.

крестьянских дворов, подлежавших огораживаниям, в исходный и конечный момент указанного процесса.

Такой подход не представляется правомерным, и прежде всего потому, что он не основан на использовании критерия, являющегося базовым для исследований по социально-экономической, и в частности, по аграрной, истории. Речь идет о том, что в указанном случае необходимо прежде всего основываться на подсчете удельного веса земельной площади, оказавшейся в распоряжении различных классов английского общества, и в частности, групп внутри самого крестьянства. Не стоит забывать и о том, что английская деревня, состоявшая в эпоху средневековья из надельных крестьян, деревня, пережившая, в частности, парламентские огораживания XVIII в., оказалась в конечном итоге деревней немногочисленных «гроссбауэров», окруженных безнадельными крестьянскими дворами.

До недавнего времени почти нераскрытой страницей аграрной истории Англии оставались огораживания начала XVII в. Однако появление в 70-80-х гг. исследований некоторых английских авторов⁸⁵ по данной проблематике вселяет уверенность в успешном решении этого вопроса.

Чем был вызван подъем новой волны огораживаний? В какой степени он был обусловлен выгодно сложившейся в то время рыночной конъюнктурой и насколько зависел от ослабления правительственного контроля за соблюдением соответствующих статутов? Эта проблема нуждается в самом тщательном исследовании, поскольку оно помогло бы внести дополнительные

---

⁸⁴ Kerridge E. *Agrarian Problems in the XVI century and After*. L., 1969; Mingay G. E. *The Gentry. The Rise and Fall of a Ruling Class*. L, N/Y, 1976. P.41.

⁸⁵ Spufford M. *Contrasting Communities: English Villages in the XVI and XVII centuries*. Cambridge, 1974.

нюансы в изучение движущих мотивов крестьянских выступлений в Англии указанного периода.

Кроме того, необходимо продолжать изучение аграрной политики Тюдоров. Английские историки, подробно прослеживая изменения тюдоровского законодательства, деятельность многочисленных Комиссий по огораживанию (имеются в виду комиссия Вулси 1517 г., Комиссии 1548, 1565, 1607 гг.), все же не ставят задачу исследования реальной связи между аграрным законодательством Тюдоров и динамикой самого процесса огораживаний.⁸⁶

В этой связи, однако, хотелось бы упомянуть разработку указанных проблем в книге новозеландского социолога, прошедшего подготовку на кафедрах истории и социологии Ланкастерского университета в Англии, Д. Мартина.⁸⁷ Рассматривая капиталистические преобразования в сельском хозяйстве, Д. Мартин показывает, что огораживания оказывали пагубное воздействие на крестьянское хозяйство, ведя к исчезновению последнего. Таким образом, процесс огораживаний он рассматривает, по сути, в качестве одной из форм экспроприации английского крестьянства. На основании изучения обширного круга источников по крестьянскому восстанию в Средней Англии 1607 г., он вплотную подходит к обоснованию той роли, которую играл аграрный вопрос и противоречия на его почве в подготовке Английской революции.

Однако подходы подобного рода весьма немногочисленны. Следует еще, пожалуй, в качестве примера отметить исследование Э. Керриджа, посвященное восстаниям в Уилтшире эпохи правления

---

⁸⁶ Thirsk J. Tudor Enclosures, P. 9-20; Parker L.A. The Depopulation Returns for Leicestershire in 1607 // Trans. Leices. Archeolog. Soc, Vol. XXIII, 1947.

⁸⁷ Martin J.E. Feudalism to Capitalism: Peasant and Landlord in English Agrarian Development. L., 1983.

Карла I⁸⁸, а также не так давно появившуюся работу Р.Фейт о росте крупного землевладения в Англии раннего Нового времени – причем преимущественно за счет крестьянских держаний.⁸⁹

Вообще же следует отметить почти полное отсутствие в англоязычной историографии (да собственно, и в отечественной тоже) исследований (на основе описей и ренталей) взаимоотношений между манориальными лордами и их держателями в ходе самой революции. Как повлияли на эти отношения гражданские войны, скачки цен, конфискации земель делинквентов, отмены прерогативных судов и т.д.? Как отразились военные и политические потрясения на земельных передвижках внутри манора, насколько они могли изменить сложившуюся конъюнктуру держательских платежей, а, следовательно, способствовать осложнению отношений между лордами и различными категориями крестьянства, обостряя, очевидно, в том числе и проблему пауперизма? И если в работах некоторых исследователей (К. Линдли, Б. Шарпа, К. Холмса) все же изучаются аграрные конфликты эпохи Революции в болотистых зонах Кембриджшира, Линкольншира, а также в лесных районах западной Англии, то решение задачи массового статистического обследования маноров этого времени еще впереди.

Важнейшей проблемой аграрной истории Англии остается проблема держательских платежей. Необходимость тщательного ее изучения связана с тем, что в динамике рент периода аграрной революции непосредственно выразилось влияние генезиса

---

⁸⁸ Kerridge E. The Revolts in Wiltshire against Charles I // *Wiltshire Arch. and Natural History Mag.* Vol. LVII. 1958-1959. P. 64 -75. См. также: Manning R. *Villages Revolts. Social Protest and Popular Disturbances.* L., 1988.

⁸⁹ Faith R. *The English Peasantry and the Growth of Lordship.* London, Washington, 1997.

капитализма на положение масс крестьян-держателей земли на обычном праве. Известно, что для XVI в., ввиду революции цен, было характерно резкое удешевление денег и в то же время – повышение объема рентных платежей – конъюнктура рент в то время складывалась в пользу лордов, а не держателей. В стремлении лордов маноров улучшить фиксированную манориальным обычаем ренту проявилась тенденция «очищения» земли от крестьян-копигольдеров. Основным средством в достижении этой цели явилось повышение фэйнов за допуск к держанию.

Как выяснил английский исследователь Эрик Керридж, эти денежные суммы, взимаемые с крестьян при вступлении в держание и в XIII-XIV вв. не превышавшие, согласно обычаю, двухгодичного дохода с земли, постоянно росли и к XVI-XVII вв. во много раз превысили установленные обычаем размеры.⁹⁰ Действительно, именно с помощью фэйнов манориальные лорды в эпоху революции цен корректировали обычную ренту, компенсируя свои «убытки», связанные с ее неподвижностью. Занимаясь проблемой ренты и показав тенденцию ее реального увеличения (на материале описей графов Пемброков и Монтгомери), Э. Керридж попытался подсчитать уровень обычных рент на акр земли каждого из маноров владельческого комплекса. Однако, по сути, ему не удалось сделать этого ввиду ряда просчетов в исследовательских подходах. Во-первых, он складывал воедино обычные ренты, вступные фэйны, стоимость герiotов и натуральных платежей и поэтому не сумел отразить как реальное соотношение рент и фэйнов обычных держателей, так и соотношение уровня рент и стоимости каждого из видов держаний. Во-вторых, при подсчетах он соединял

---

⁹⁰ Kerridge E. The Movement of Rent, 1540-1640 // ECHR. 1953. Vol VI, № 1. См. также Винокурова М.В. Английское крестьянство, С. 199-201, 223 и далее.

в одно целое ренты фригольдеров, копигольдеров и арендаторов, хотя социально-экономическая природа этих рент уже в то время была различной: если обычные ренты, феодальные по своей природе, представляли нормальную форму прибавочной стоимости, то платежи арендаторов в тенденции приближались к избытку над средней прибылью.

Проблема динамики рентных отношений периода аграрной революции получила отражение и в уже упомянутом сводном труде английских исследователей по аграрной истории Англии и Уэльса, который до сих пор не без основания считается классическим в английской историографии.⁹¹ И хотя ренты не дифференцируются в нем в зависимости от их социально-экономической природы, предпринимается попытка проследить их движение по различным регионам страны. Правда, при этом динамика рент почти не ставится в зависимость от колебаний рыночной конъюнктуры, в то время как последняя становится в XVI в. решающим фактором, регулирующим не только движение рент (а, следовательно, влияющим и на специфику произвола манориальных лордов в отношении крестьянства), но и определяющим тип сельскохозяйственного производства. В этой связи очень важно, как для отечественной, так и для английской историографии, попробовать нарисовать значительно более дифференцированную картину движения рент по отдельным графствам Англии – на основе учета прежде всего такого фактора, как различная степень вовлечения отдельных регионов страны в национальные рыночные связи. Эта задача очень непростая, и прежде всего потому, что она требует усилий целых исследовательских коллективов, способных, на основе анализа

большого комплекса описей и ренталей, скрупулезно «просчитать» колебания рент, файлов, доходов отдельных категорий держателей по максимально возможному количеству маноров и деревень в различных графствах и регионах страны и сопоставить их движение с настолько же скрупулезно просчитанным уровнем цен на основные сельскохозяйственные продукты не только на основных рынках страны, но и на локальных, местных рынках. Ведь без выяснения как общенациональной, так и локальной специфики *корреляции* рент и цен в эпоху аграрного капитализма процесс «очистки» земли от держателей на обычном праве выглядит скорее как результат произвола манориальных лордов, нежели как процесс, диктовавшийся изменениями в социально-экономическом строе Англии.

Не менее важной проблемой аграрной истории Англии является проблема формирования капиталистической аренды, наиболее выгодной манориальным лордам по причине подвижных, регулируемых не традицией, а рыночной конъюнктурой, арендных плат. Этот вопрос является одним из наиболее разработанных на материалах первоисточников. Однако английские историки, в том числе и историки локальные, в основном сосредотачивают свое внимание на исследовании таких аспектов, как сроки аренды и высота арендных платежей⁹². В меньшей степени изучаются сословная характеристика аренды, проблема соотношения экономического и сословного ее статуса, характеристика механизма

---

⁹¹ The Agrarian History of England and Wales. 1500-1640 // Ed. by J.Thirsk. Cambridge, 1967. См. также: Agrarian History of England and Wales. Selections // Ed. By J. Thirsk. Cambridge; New York. 1990.

⁹² Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI century and after. L., 1969; Hoskins W.G. The Midland Peasant. The Economic and Social History of a Leicestershire Village. London, New York, 1957. Everitt A. Change in the Provinces: the Seventeenth Century. Leicester. 1970, etc.

взимания арендных плат и т.д. Кроме того, в мировой исследовательской практике (включая практику отечественную) любая крупная аренда, размеры которой определяются, как правило, по величине пахотной площади, сданной арендатору, считается арендой капиталистического типа. Но ведь в XVI-XVII вв. все еще существовали феодальные, а также переходные по своей экономической сущности формы крупной аренды. Все еще неясно до сих пор, где здесь проходит грань, отделяющая одну форму аренды от другой. Каковы те критерии, которые бы позволили решить вопрос о генезисе капиталистической аренды, причем зафиксировать стадии становления этой формы аренды на материале источников? К сожалению, в современной историографии пока еще не предпринималось попытки изучить специфику того «поворотного момента» в аграрной истории Англии эпохи генезиса капитализма, который знаменовал превращение феодальной по своей природе ренты арендаторов в ренту капиталистическую.

Решение всех исследовательских задач, кратко обрисованных выше, для английских историков облегчается тем, что они имеют доступ не только к центральным, но и местным, локальным, архивным материалам. Причем не только к основным по своему типу источникам (описям и ренталям), но и к протоколам манориальных курий, протоколам квартальных сессий мировых судей, описям движимости, исследование которых позволяет определять «юридическую структуру» крестьянского мира, степень подвижности держателей на земле манора или деревни, а также обрисовать особенности местных обычаев.

Надо отметить, что изучение мира английского манора XVI-XVII вв. под указанным углом зрения не слишком характерно для современных историков. Исследованием части указанных проблем

на локальных материалах некоторых поместий юго-западной Англии занимался Э.Керридж⁹³. Однако он ограничился рассмотрением этого феномена аграрного строя лишь с точки зрения земельного права, уделяя мало внимания его социально-экономической специфике, включая рентные отношения. Между тем, как уже приходилось отмечать, сама структура манора, а также юридическое положение держателей во многом зависели от смены форм феодальной ренты. Кроме того, Керридж, в наибольшей степени (среди английских исследователей) продвинувшись в изучении особенностей «теории эволюции» английского манора предреволюционной эпохи, тем не менее не видит необходимости рассмотрения такой важной проблемы как проблема внеэкономического принуждения и особенности ее практического проявления внутри английского поместья эпохи аграрного капитализма. Между тем, только использование рычагов внеэкономического принуждения объясняет самую возможность в указанную эпоху практически аннулировать обеспеченность крестьянского держания, проявлением чего были такие факторы как непомерное «взвинчивание» обычных рент, краткосрочность держаний по копии, замена обычного держания арендой и т.д.

Причем никем из исследователей до сих пор не отмеченная особенность *повседневной «реализации»* внеэкономического принуждения в рамках манора предреволюционной поры заключалась в том, что сам процесс этой реализации проходил, казалось бы, строго в рамках маноориального обычая, под его освященным незапамятной традицией покровом. Возрастание роли внеэкономического принуждения в практической жизни манора эпохи аграрной революции выражалось в усилении воли лендлорда,

---

⁹³ Kerridge E. Agrarian Problems... P. 17-95.

ориентированной на изменение конъюнктуры рынка. Другими словами, владельцы маноров, движимые стремлением к максимальному увеличению доходности своих поместий, не останавливались перед тем, чтобы диктовать свою волю крестьянскому миру даже там, где совсем еще недавно властвовал милый сердцу крестьянина обычай. В повседневности XVI-XVII вв. это выражалось, в частности, в том, что практически любая тяжба крестьянина с господином, которая заслушивалась в манориальной курии, несмотря на поддержку обычая и внутриманориального института «присяжных» (12 или 24 наиболее уважаемых членов крестьянского мира) заканчивалась в пользу лорда.⁹⁴ Если мы напомним еще и об отказе судов общего права рассматривать жалобы обычных держателей, то роль внеэкономического принуждения в судьбах английского крестьянства предреволюционной эпохи предстанет еще более отчетливой.

Итак, наш анализ рассмотрения некоторых аспектов аграрного развития Англии эпохи генезиса капитализма зарубежными историками показывает, что при всем внимании к разнообразным проблемам истории английского манора, активно и вполне скрупулезно исследуемым в том числе и на локальном уровне, они все же в большинстве своем не интерпретируют историю аграрного переворота в качестве «генетического прошлого» революции середины XVII в., исключая из нее проблему копигольда, а следовательно, и проблему взаимоотношений между лордами и держателями в ходе самой революции, практически не исследуя и даже не ставя вопрос о том, отразилось ли на ходе революции

---

⁹⁴ Maitland F. Selected Historical Essays. Cambridge, 1975; Selected Pleas in the Manorial Courts. Ed. by F.M. Maitland. L., 1889.

стремление копигольдеров к свободной земле и избавлению от власти лендлордов.

Между тем особенность английского варианта предреволюционного развития именно в том и состояла, что процесс экономического «вытеснения» копигольдеров, хотя подчас и «скрытого», происходившего как будто бы в рамках манориального права, предшествовал и способствовал акту юридической узурпации их собственности (Акт Парламента от 24 февраля 1646 г. об отмене лишь рыцарского держания), который предрешил судьбу английского крестьянства как класса, способствуя в дальнейшем его радикальной экспроприации.

Однако, с другой стороны, в исследованиях некоторых английских социальных историков последних лет (в том числе и в исследованиях историков-аграрников) выдвигается целый ряд важных проблем, почти не изученных, а подчас - основательно и не поставленных в нашей историографии. Не будучи скованными, подобно отечественным историкам, настоятельной необходимостью соблюдать пиетет к марксистской парадигме на протяжении прошедшего столетия, имея к тому же несравненно более богатую источниковую базу, английские исследователи работали совершенно в иной плоскости (в плоскости «добывания» реального практического знания, не отягощенного рамками идеологических схем) – не этим ли, кстати, объясняется и то обстоятельство, что проблема копигольда и его роли в революции середины XVII в. интерпретируется ими в качестве лишь *одной из проблем* (а вовсе не главной) социально-экономической истории Англии раннего Нового времени?⁹⁵

---

⁹⁵ И все-таки следует заметить, что «приоритет проблемы копигольда» в нашей историографии объясняется отнюдь не тяготением к «марксистской

Какие же «другие» вопросы интересуют английских исследователей ныне? Прежде всего стоит отметить вновь усилившийся в последние десятилетия интерес к «внутренним» проблемам английского манора как социально-экономического и правового института крестьянского мира. Еще в начале 70-х гг. появилась интересная работа Натаниэль Хоун, посвященная указанной проблематике.⁹⁶ Манор как правовая организация раннего Нового времени исследуется также и в относительно недавно опубликованной работе А. Ватсона.⁹⁷

Не иссякает также исследовательское внимание историков к таким, казалось бы, частным (а на самом деле классическим) сюжетам как «стратегия» манориальной топографии, направленной прежде всего на рациональное размещение хозяйственных и административных строений внутри манора. Но если раньше проблема манориальной топографии интересовала исследователей прежде всего с точки зрения выбора наиболее удобного (как правило, приближенного к домену) места для строительства резиденции лорда (manor house)⁹⁸, то в некоторых работах последних десятилетий (например, в исследовании американского историка П. Ренса) внутриманориальные топографические проблемы ставятся в прямую зависимость от вопросов социально-

---

парадигме», а знанием, я бы сказала, «порядка вещей», основанном на детальным рассмотрении целого комплекса наиважнейших проблем аграрной истории Англии предреволюционного периода «с источниками в руках». Одним из главных компонентов этого «порядка» являлось то простое обстоятельство, что держатели по обычаю (копигольдеры) составляли в предреволюционный период почти все крестьянство Англии и значительную часть ее населения в целом; уже по одной этой причине проблема копигольда не могла не являться центральной в ряду других вопросов, выдвигаемых в указанное время.

⁹⁶ Hone N. *The Manor and Manorial Records*. Washington. New York. 1972.

⁹⁷ Watson I.K. *Manor Woodstock*. Countryman Press, 1996.

⁹⁸ Addin C.Ch.W. *Old Manor Houses*. L., 1923; Jaxley D. *Manor House in Norfolk*. Ipswich, 1978, etc.

экономических и, в частности, от специфики размещения различных типов держаний в поместье (то есть его манориальной и держательской структуры)⁹⁹. Между прочим, Эрик Керридж в своей работе 90-х гг., посвященной общинным полям Англии, также не оставляет вниманием проблему «социально-экономического аспекта» внутриманориальной топографии.¹⁰⁰

Среди внутриманориальных проблем в исследованиях представителей англоязычной историографии последнего времени можно выделить и такую важную проблему как стратификация сельского общества Англии периода аграрной революции. С одной стороны, в некоторых новейших трудах вроде работы Ли Элен Гриффит о фригольде¹⁰¹ рассматриваются, казалось бы, весьма традиционные сюжеты¹⁰², связанные с положением разных групп держателей в рамках как местного, локального, так и общего права. С другой стороны, эти сюжеты изучаются не только на социальном и правовом уровне (земельные наделы, ренты, судебные тяжбы держателей различных категорий), но в то же время – и на уровне «микроисторическом» (история отдельных семейств и – когда это возможно – отдельных лиц) на основе широкого спектра документов манориальной истории и правовых трактатов.¹⁰³

---

⁹⁹ Rense P. Manor House. New York, 1997.

¹⁰⁰ Kerridge E. The Common Fields of England. Manchester, 1992. С удивлением узнала о том, что буквально недавно Э.Керридж опубликовал исследование, не связанное с традиционно интересовавшим его кругом аграрных проблем; исследование, посвященное ростовщичеству, ростовщикам и их деятельности в связи с Реформацией в Англии: Kerridge E. Usury, Interest and the Reformation. Ashgate, 2002.

¹⁰¹ Griffith L.E. Freehold. Dover, 1996.

¹⁰² См. : Gray Ch. M. Copyhold, Equity and the Common Law. Cambridge, 1963. Acher R.W. Leasehold and Freehold Urban Land System. Canberra, 1973.

¹⁰³ Кстати, стоит отметить переиздание некоторых из них и, в частности, трактата «Фригольдер» известного английского правоведа нового времени Джозефа Аддисона (1672-1725). См.: Addison J. The Freeholder. Oxford, 1979.

В этой связи важно также подчеркнуть еще один ракурс «прочтения» аграрной истории Англии. Дело в том, что в англоязычной историографии наблюдается весьма интересная тенденция, которая проявляет себя в попытках связать конфессиональную историю и историю земельных держаний¹⁰⁴ – нередко также на уровне монографического исследования отдельных семей. И это очень верный подход; ведь безусловно, что, скажем, постреформационный католицизм в Англии до тех пор будет считаться, по словам английского историка Джона Босси, «феодалным сектором», пока не будет просчитан реальный уровень доходов и землевладения представителей как католического, так и англиканского «лагерей». И разве не может оказаться так, что, вопреки общепринятому мнению, католики, получавшие после диссолюции монастырей немалые по площади земельные владения, вели на этих землях вовсе не традиционные, а коммерчески поставленные хозяйства – с применением труда арендаторов и субдержателей (в качестве наемных рабочих) и «сдачей» не только доменов, но и держательского клина в аренду? Так или иначе, такой подход вполне мог бы изменить наш взгляд на расстановку сил перед Великим мятежом середины XVII в. Кроме того, для данного периода в указанной связи также необычайно важно и исследование «мира деревенских сектантов», подобно тому, как это сделала в известной монографии середины 90-х гг. группа учеников и коллег английской исследовательницы Маргарет Спуффорд.¹⁰⁵ На основе обзора массовых налоговых документов (taxation records) и документов манориальной истории, хранящихся в центральных, приходских и частных архивах Англии, им удалось показать, в

---

¹⁰⁴ См., например: Cooper J. Ph. Land, Men and Beliefs: Studies in Early Modern History. L., 1983.

частности, основательность «внутриманориального благоденствия» диссентеров в различных регионах Англии, основанного на их достаточной материальной обеспеченности – фактор, которого также не следует недооценивать при оценке расстановки сил в предреволюционный и революционный периоды.

Безусловно важным аспектом аграрной и, более того, – социальной истории Англии является также разрабатываемая доньше проблема связи между манором и «городом» (а скорее, поселением городского типа, обозначаемым в манориальных документах термином “borough”) раннего Нового времени. Этот вопрос, насколько мне известно, был поставлен еще в начале XX столетия в исследованиях С.Вебба – правда, по отношению к революционному и постреволюционному периодам.¹⁰⁶ Затем, в 30-е гг., он получил несколько иное развитие в работе Карла Стефенсона, посвященной не столько связи между манором и «borough», сколько собственно “borough” как одному из источников формирования в Англии города Нового времени.¹⁰⁷ В 60-е гг. интерес историков к этой проблеме был вновь «простимулирован» переизданием монографии Сидни Вебба 1908 г. – в 1963 г. увидел свет объемный двухтомник, дополненный публикацией документов по указанной проблематике.¹⁰⁸ А в 80-е гг. вышел сборник документов локального характера, в который вошли материалы «предыстории» Лидса – его эволюции из средневекового манора в

---

¹⁰⁵ Spufford M. *The World of Rural Dissenters*. Cambridge; New York. 1995.

¹⁰⁶ Webb S. *English Local Government from the Revolution to the Municipal Corporations Act: the Manor and the Borough*. London; New York, 1908.

¹⁰⁷ Stephenson Carl. *Borough and Town; a Study of Urban Origins in England*. Cambridge, 1933.

¹⁰⁸ Webb S. *The Manor and the Borough*. With an introduction by B. Keith-Lucas. Archon Books, 1963.

город современного типа.¹⁰⁹ И наконец, относительно недавно, в середине 90-х гг., была опубликована книга молодого историка Майкла Кеннона, посвященная феномену «borough»,¹¹⁰ а в 2000-2002 гг. статьи Кристофера Дайера по указанной проблематике¹¹¹.

Проблема взаимосвязи между манором и “borough” чрезвычайно важна; однако в нашей историографии она не просто не разработана, а даже должным образом не поставлена. Важность этой проблемы определяется прежде всего необходимостью определить типологические характеристики «локальных» поселений Англии эпохи позднего Средневековья как неких единых хозяйственных и политико-административных объединений, «городская» и «сельская» составляющие которых могли относительно совпадать в пространстве и ритме хозяйственной жизнедеятельности. Ранее, в работах П.Г. Виноградова, Е.А. Косминского, Ф. Мейтланда и некоторых других историков для эпохи Средневековья проводилось, скорее, сопоставление между деревней и манором; деревней как «базисным» организационным началом крестьянского мира (общины) и манором как административной «надстройкой» поместных институтов. Тема же «манор-«город», повторю, в нашей историографии пока не выдвигалась. В данной работе мы постараемся, насколько позволят источники, затронуть этот вопрос.

---

¹⁰⁹ The Manor and Borough of Leeds, 1425-1662: an edition of documents. Ed. with an introduction by Joan W. Kirby. Leeds, 1983.

¹¹⁰ Cannon M. The Borough. London. New York. 1995.

¹¹¹ Dyer Chr. Small Towns, 1270-1540 // The Cambridge Urban History of Britain, vol. I, ed. by D. Palliser, Cambridge, 2000. P. 505-37; Idem. Small places with large consequences: the importance of small towns in England, 1000-1540 // Historical Research, 75, 2002, P. 1-24.

Итак, к каким же выводам можно прийти после анализа доступных нам исследований отечественных и зарубежных историков по аграрной истории Англии раннего Нового времени? Во-первых, при некотором различии подходов отечественной и англоязычной историографии к указанной проблематике, нельзя не отметить того обстоятельства, что представители этих «историографий» все-таки в целом интерпретируют аграрную историю как историю социальную. Об этом свидетельствует внимание не только к внутренним проблемам английского манора, как экономическим, так и правовым, но и стремление включить эти проблемы в живую ткань истории общества в целом. Во-вторых, создается впечатление, что источники по аграрной истории все в большей степени начинают оказываться пригодными не только для чисто аграрных исследований, призванных служить материалом для «социальной статистики» на ее макроуровне, но и, при известном подходе, могут являться основой для «антропологически ориентированной» истории. В-третьих, хотелось бы отметить то обстоятельство, что различие в уровне аграрных исследований у «них» и у «нас» и по сей день заключается в несравненно большем развитии в Англии локальной и региональной истории с ее кропотливым изучением «частного» в локальных аграрных структурах (по максимально возможному количеству параметров). Это неудивительно и объясняется в первую очередь гораздо более широким доступом к источникам, в том числе – к частным архивам и коллекциям. Что касается отечественной историографии, что превалирование в ней в течение длительного времени «марксистской парадигмы», а также затрудненный доступ к источникам манориальной истории, привели в конечном итоге к выдвижению ряда полезных и важных *теоретических* постулатов в

области истории Англии предреволюционного периода,¹¹² но не слишком обогатили отечественную науку локальными исследованиями «прикладного характера». К тому же, как уже указывалось во введении к этой работе, с утратой привлекательности в глазах значительной части наших историков марксистского подхода (с его превалирующей экономической детерминантой) – с одной стороны, с появлением в последние десятилетия новых отраслей исторического знания, не слишком располагающего к кропотливой статистической работе – с другой, с уходом из жизни наших крупнейших аграрников – с третьей, аграрная история в нашей стране постепенно сходит на нет. И все-таки не будем столь пессимистичны; не лучше ли все же надеяться, вопреки обстоятельствам, на возрождение исследовательского интереса к ней? Тем более что основание для такой постановки вопроса дает, в частности, выход в свет капитального труда И.С. Филиппова, посвященного проблемам становления феодализма в Средиземноморской Франции¹¹³.

---

¹¹² К их числу относится выдвижение на первый план проблемы копигольда; тезис о преимущественном развитии капиталистического способа производства в английской деревне (а не в городе), в том числе и в связи с локализацией в ней рассеянной мануфактуры; тезис о формировании в предреволюционный период двух аграрных программ: буржуазно-дворянской и крестьянско-плебейской и некоторые другие.

¹¹³ Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.